

Виктор Бычков

**Огни над
Деснянкой**

исторический роман

Виктор Бычков
Огни над Деснянкой

«Издательские решения»

Бычков В.

Огни над Деснянкой / В. Бычков — «Издательские решения»,

Данный роман является продолжением романа «Рассвет над Деснянкой», его второй книгой. События охватывают период с 1941 по 1944 годы. Главные герои встречают Великую Отечественную войну, принимают в ней самое непосредственное участие. Мужество и героизм, преданность Родине, когда патриотизм доказывается не на словах, а в бою. А то и ценою собственной жизни.

© Бычков В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвёртая	32
Глава пятая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Огни над Деснянкой **исторический роман** **Виктор Бычков**

*Светлой памяти мамы моей, —
Ольги Григорьевны Бычковой, — познавшей войну не понаслышке,
посвящаю...*

© Виктор Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Первая бомба упала рядом с палаточным городком. Командира танка младшего сержанта Кольцова взрывной волной сбросило с дощатого настила, что заменял кровать. Палатка вспыхнула огнём и тут же сложилась. Кузьма заметался, задыхаясь. Очередная бомба взорвалась где-то у танкового парка, объётое пламенем полотнище сдвинуло немного в сторону, открыв доступ свежего воздуха. Однако за это короткое мгновение Кольцову успело обжечь огнём лицо, руки, подпалить исподнее бельё.

– А-а-а-а! – дико заорал от боли.

Вскочил и снова упал, закрутился, заскользил по прохладной, влажной от утренней росы почве, пытаясь погасить тлеющее бельё, унять и растереть о землю неимоверную боль от ожогов.

То ли и вправду удалось, то ли последующие бомбовые удары, вой заходящих на цель бомбардировщиков заменили физическую боль страхом, который на некоторое время парализовал и сознание, и тело. Но замешательство длилось недолго: младший сержант вдруг остановился, замер, уставился на объятый пламенем парк боевой техники.

Огромные клубы чёрного дыма от горящих машин рвались вверх, закрывали небосвод, страшной, тёмной тенью окутывали танковый полигон, стлались по-над землёй, смещались куда-то за лес, навстречу встающему солнцу. Самолётный рёв бил по нервам, заставлял дрожать все внутренности противной дрожью, пытался парализовать волю, вызывал панику. Младший сержант еле-еле, из последних сил сдерживал себя, чтобы не поддаться ей, не броситься, очертя голову, куда глаза глядят, хотя в первое мгновение такое желание было.

Только вчера они в составе роты прибыли на этот полигон, сменили курсантов другого подразделения, и вдруг такое...

Кузьма озирался, расширенные от страха глаза пытались увидеть сослуживцев: инстинкт солдата уже звал к товарищам, к оружию. Постепенно силой воли дикий, животный страх за собственную жизнь оттеснялся на второй план, уступая место осознанию себя мужчиной, бойцом, командиром. Военский устав обязывал к активному действию, отражению атаки противника. И он взял верх, победил.

Обожжёнными руками нащупал обмундирование, в спешке натянул на себя, сунул босые ноги в ботинки, обмотки даже не стал наматывать, затолкал в карман.

Рядом, у палатки, копошился, матерясь, стрелок-радист Павлик Назаров. Механик-водитель Андрей Суздальцев уже стоял одетым, поминутно приседая при каждом новом взрыве.

– Братцы, это война! Так учения не проводят, клянусь!

Наводчик Фёдор Кирюшин, которого в экипаже все называли Кирюшей, сидел на земле в исподнем белье, смотрел безумными глазами на происходящее, вжав голову в плечи, обхватив её руками.

– Господи, спаси и помилуй! Господи, спаси и помилуй!

– В машину! В машину согласно боевому расчёту! – Кузьма уже оделся, был готов бежать в горящий танковый парк к танку КВ-1, но задерживал наводчик, который продолжал в растерянности и страхе твердить, как заведённый:

– Господи! Господи! Конец света! Спаси и помилуй, Господи!

– В машину! К маши-и-не-е! Креста душу мать! К машине! – ухватил подчинённого за шиворот, с силой оторвал от земли. – Вперёд, к машине!

И уже стрелку-радисту:

– Назаров! Заряжающего Ивлева разыщи и с ним в парк! Он дневалил у грибка.

Однако Кирюшин безвольным мешком свалился на землю, не уставая повторять:

– Господи! Спаси и помилуй мя, грешного, Господи!

– Твою гробину мать! – снова заматерился Кольцов. – Встать! К машине! Убью, сволочь! – но видя, что и это не помогает, позвал на помощь Андрея:

– Суздальцев! Помоги!

Механик-водитель тут же подбежал к командиру и сразу всё понял. Не раздумывая, с ходу залепил пощёчину наводчику, подхватил под руку, стал поднимать с земли.

– Клин клином, командир, клин клином! Это от страха, это пройдёт, – успел упредить очевидный недоумённый вопрос командира. – Кирюша, Кирюшка, вперёд, вперёд, браток!

И, правда, Кирюшин как очнулся вдруг, ожил, смятение и растерянность на лице сменились осмысленным выражением: вскочил, скомкал обмундирование, прижал к груди, кинулся за товарищами в исподнем белье. В последний момент вспомнил о ботинках, вернулся обратно, схватил их, бросился вдогонку.

Уже на выходе из палаточного городка, у грибка, где должен находиться дневальный, наткнулись на стрелка-радиста Павла Назарова. Он стоял на коленях. Рядом, на отсыпанной речным песком дорожке, лежал заряжающий из их экипажа Володька Ивлев.

– Команди-и-ир, Кузьма-а-а, ребята-а-а, – дрожащим голосом произнёс Павлик. – Командир, Вовка, Вовка-то мёртв, команди-и-ир. Как это? За что-о-о, командир?

Горящие глаза стрелка-радиста, в которых отражались всполохи пожара, смотрели на Кольцова снизу, искали ответ не только на смерть товарища, но и на весь тот ужас, что творился вокруг. Рядом лежало тело рядового Ивлева с разможжённой осколком бомбы головой.

– Встать! К машине! – рявкнул командир танка.

Кузьмой сейчас уже всецело руководил младший сержант, младший командир Красной армии, в задачу которого входило вывести свой танк из-под обстрела из горящего парка в район сосредоточения, куда обязан прибыть по боевому расчёту на случай тревоги. А собственная боль, жалость по погибшему товарищу – это потом, потом, когда утихнет бой, а сейчас – вперёд, к машине!

– Вперёд, Паша, вперед, это потом, потом плакать будем!

Парк горел, горели топливозаправщики, легкие танки Т-28, которые использовались в качестве учебных машин, танкетки, несколько тяжёлых танков тоже извергали в небо тёмные клубы дыма, изредка выплёскивая из металлического чрева яркие языки пламени, сдобренные чёрной копотью.

Их КВ-1 под номером 12 стоял в первом ряду, в углу, целым и невредимым. Несколько танков уже выходили из парка, удалялись в сторону леса, выстраивались у его кромки в походную колонну, сливаясь в предрассветных сумерках с зарослями. Чуть в отдалении группировались уцелевшие топливные заправщики.

Во главе колонны стоял танк командира роты капитана Паршина. Сам ротный бежал в горящем парке, торопил подчинённых. Ему помогали командиры танковых взводов.

Здесь была лишь одна рота.

Оставшиеся роты танкового батальона должны были сегодня прийти своим ходом на полигон.

А самолёты улетели, на земле установилась относительная тишина. Лишь гул и треск пламени зловеще вклинивался в рокот танковых моторов.

– Рассредоточиться! Технику замаскировать! Командирам экипажей и взводов – ко мне! – по радиации Кузьма получил команду от командира роты и сейчас стоял в люке, выбирал визуально место у кромки леса, куда уже пятились остальные уцелевшие танки подразделения, руководил механиком-водителем.

– Правее, правее, Андрей. Вот так, хорошо, глуши мотор. Замаскировать машину!

Командиры собрались на небольшой полянке у опушки под сенью молодых дубов, стояли, нервно курили, ждали ротного. Сам Паршин, наклонившись к люку механика-водителя

командирского танка, разговаривал с кем-то по радиации, от нетерпения пританцовывая, хлопая рукой по металлу. Рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу, топтался политрук роты Замятин.

– Твою гробину мать! – капитан сорвал с головы шлемофон, направился к подчиненным. – Довоевались, грёба душу мать твою! Дождались, доигрались в кошки-мышки! Самих себя объегорили, твою мать! Во-о-от, молодцы! Приходи и бери голыми руками.

– Командир! Товарищ капитан! – политрук забежал наперед, расставил руки, преградил дорогу Паршину. – Здесь подчиненные, младшие по званию! Не забывайте, держите себя в руках! Вы же офицер! Вы же коммунист!

– Какой держите, комиссар, какой держите?! Уже додержались, дальше некуда! Доигрались, гробину мать!

– Ещё ничего не ясно, а вы уже... нельзя так.

– Что уже? Говори, чего замолчал?

– Паникуете, товарищ капитан. Может, это ещё и не война, а провокация, а вы уже сеете панику среди подчинённых, вот так-то вот! А офицеру это не к лицу, тем более члену партии. Я не позволю! Я обязан доложить по инстанции!

– Что-о, что ты сказал? – побледневший капитан вдруг резко ухватил за грудки политрука, притянул к себе, почти оторвал от земли. – Я? Паникую? Ты хорошо подумал, прежде чем сказать такое? – и тут же с силой оттолкнул от себя Замятина. – Тебе-то откуда знать, что к лицу мне? Врать офицеру не к лицу, понял, мальчишка?! Ты посмотри вокруг: какая это провокация? Горит наша техника, гибнут наши люди – это что, по-твоему, провокация? Это – страшнее, так страшно, что нам и не снилось. Ад раем покажется, твою мать, так страшно будет. Война это, грёба душу мать! А подчинённые? Что должны видеть и понимать подчинённые? Мне с ними вот здесь, вот сейчас идти в бой, понял, бумажная твоя душа?! Они уже гибнут, а что ещё будет – я даже предсказать не могу. Тут сам Господь Бог не предскажет, не то, что я – простой смертный. Что я скрывать от подчинённых должен? Что врать им, что обманывать их и себя? Чего обманывать людей, которые через мгновение будут смотреть и уже смотрят смерти в глаза?! Я говорю правду! А она страшная, горькая, но она – правда! Война это, война-а! А мы не готовы, комиссар. Разве это не так? Так, и не спорь, – Паршин вроде как немного успокоился, взял себя в руки. – А сейчас беги, сверь по списку личный состав роты и составь рапорт о потерях. Учить меня он будет, мальчишка. И докладывать вы можете... умеете... это я знаю, – произнёс это уже быстрее для себя, чем для подчинённых, которые стояли молча, смотрели и слушали перебранку капитана и политрука, нервно теребили в руках шлемы.

Командиры взводов и командиры танковых экипажей выстроились в шеренгу, ждали указаний командира роты.

Кузьма только теперь начал полностью осознавать трагедию, что разворачивалась на его глазах. Это – война! До этого момента действовал автоматически, выполнял свои обязанности благодаря вбитым, приобретённым во время службы на тренировках, занятиях навыкам. А вот здесь, в строю на опушке леса, приходило осмысление, осознание. Прочувствовал всей душой, всем сердцем, умом своим понял и осознал – это война.

С первого дня его пребывания в армии об этом говорили, готовились к ней, но делалось как-то через силу, а в голос, открыто не называли, как будто стеснялись, или боялись испугнуть. Даже в курилках, в доверительных беседах с сослуживцами старались обходить эту тему. Понимали, что будет, рано или поздно, но им придётся воевать, однако прямо сказать – ни-ни! И вот она пришла, свалилась на головы немецкими бомбардировщиками в буквальном смысле слова совершенно неожиданно. Об этом как раз и говорил командир роты капитан Николай Николаевич Паршин.

– Война, товарищи офицеры и сержанты. Война-а-а! Только что был на связи с командиром батальона майором Коноваловым. И поведал он мне страшную новость: фашисты на рассвете прорвали нашу границу на всей её протяжённости, идут вглубь страны; наш танковый

батальон на марше полностью выведен из строя немецкой авиацией. А те машины, что уцелели, стоят без топлива: заправщики разбиты, сожжены; боекомплект, что доставляли тыловики вместе с танковой колонной, взлетел на воздух. Всё! Конец! Был танковый батальон да весь вышел. Остались лишь металлические коробки, не способные ни стрелять, ни ехать. Утюги остались, а не боевая техника. Груда совершенно никому ненужного металла. Вот так, скрывать мне от вас нечего, товарищи командиры. Личный состав батальона, который уцелел во время утренней бомбёжки, по словам комбата, будет выходить пешим порядком на исходный рубеж – деревню Мишино. Там и встретимся.

И замолчал, стоял, низко опустив голову. Потом вдруг вздрогнул, как очнулся, снова заговорил:

– Комбат сказал, что одна машина с боеприпасами вроде прорвалась из-под бомбёжки, ушла в нашу сторону. А там снаряды для КВ и патроны для танковых пулемётов. У нас, стыдно сказать, ни единого патрона, ни единого снаряда. Даже личного оружия нет. С чем идти на врага? От всей танковой роты осталось шесть танков КВ да одна танкетка. Всё! Всё-о-о-о! Два топливозаправщика целы, а что толку, если они пусты, как барабаны? И в танковых топливных баках солярки с гулькин нос, вот и воюй, сучий потрох, как хочешь.

Паршин на мгновение прервался, прислушался к июньскому утру: тихо. Лишь слышны были команды политрука роты в районе танкового парка, да засвистела какая-то пичужка здесь, на опушке молодой дубравы. Подчинённые застыли, смотрели на стоящего перед ними ротного, ждали.

– Но, товарищи, это не повод отчаиваться. Мы с вами призваны защищать Родину, и мы её будем защищать! Чего бы это нам ни стоило! У нас ещё остаётся время для манёвра и возможность для действий. В любом случае сорок три тонны железа вряд ли выдержит какая-либо гитлеровская техника, о личном составе врага я уже не говорю. А топливо мы достанем, обязаны достать. А уж тогда держись, сучий враг! Мы ещё повоюем!

При этих словах подчинённые словно ожили, зашевелились, обречённость в глазах сменилась надеждой.

– Мой заместитель лейтенант Шкодин! – обратился к стоящему на левом фланге молодому офицеру в общевойсковой форме. – Тебе необходимо из оставшихся без машин людей сформировать резерв командира роты. Будете находиться всегда рядом со мной, чтобы в любой момент могли выполнить то или иное задание, что будет диктовать обстановка. Сам и возглавишь, Сергей Сергеевич, понятно?

– Так точно, товарищ капитан. Разрешите вопрос.

– Да, слушаю.

– Простите, а оружие? Где взять оружие? Если придётся воевать, то как быть, как воевать без оружия? Где взять, где вооружиться?

– В бою, лейтенант, в бою вооружаться будем! Или тебя не учили в училище? Руками голыми для начала душить будешь, зубами грызть. Понятно, лейтенант? Умеешь? Вот там и оружие достанешь, если сумеешь врага задушить. Другим способом он тебе винтовку не отдаст. И я других способов не знаю в данный момент, не могу тебе подсказать при всём желании.

– Учили, товарищ командир, но этому не учили.

– Ну и грош цена такой учёбе. Сейчас война переучивать будет, да так, что будь готов к страшной науке, все будьте готовы. Оценка одна в этой школе – жизнь! Никто никому разжёвывать ничего не станет, а будем драться, и учиться заодно. Ясно? Сейчас нас противник учить будет, жестоко учить, кровью умоемся от науки той. Но ничего! Русский над прусаком всегда верх брал, даст Бог, и на этот раз осилим, отучим воевать бесовское племя.

Подчинённые жадно ловили каждое слово, каждый жест командира, слушали, крепко стиснув зубы и сжав кулаки.

– В любом случае мы обязаны выдвинуться на исходный рубеж по прикрытию шоссе Гродно – Минск в районе деревни Мишино. Это – наш рубеж обороны. Даже если из нашего подразделения останется один танк, один человек, мы обязаны, я повторяю, обязаны выдвинуться туда, ползком доползти, но остановить продвижение противника на нашем рубеже. За нас это никто не сделает, только мы! На нас надеются в штабах, надеется вся страна. Подводить мы не имеем права.

На поиск автомашины с боеприпасами отправили экипаж младшего сержанта Кольцова. С ними вместе выдвинулись и уцелевшие два топливозаправщика в надежде, что смогут заправиться на ближайшей нефтебазе районного городка, который расположился в десяти километрах от танкового полигона.

Место погибшего заряжающего Ивлева занял Агафон Куцый из экипажа сожженного КВ-1 с бортовым номером девять.

– Вот же Бог дал имя и фамилию, – не преминул заметить Павлик Назаров. – И захочешь придумать иной раз смешнее, а не получится.

– Ты это, парень, попридержи язык-то, – не стал отмалчиваться новичок. – Я не посмотрю, что ты из другого экипажа. Так по сопатке настучу, что мало не покажется.

Чуть выше среднего роста, коренастый, белобрысый, с длинными руками, широкими рабочими ладонями-лопатами, своим внешним видом он и на самом деле вызывал уважение явно выраженной силой.

– В бою посмотрим, кто из нас кто, – насупившись, солдат стоял перед новыми товарищами, с вызовом, смело глядя им в глаза. – Я, может, тоже не в особом восторге от тебя, однако молчу.

– Ладно, – примирительно заметил Кузьма. – Дело покажет, кто есть кто. А сейчас в машину, по местам!

Кольцов сидел на краю люка, внимательно всматривался в дорогу, что вела к районному центру. Если тыловики и будут ехать на полигон, то другого пути, другой дороги, кроме этой, для них нет. Позади, поднимая облако пыли, катились два пустых топливозаправщика. С ними тоже ещё морока: помимо поиска машины, надо будет кровь из носа найти дизельное топливо для танков. Без топлива ротный приказал не возвращаться.

– Ты, Кузьма Данилович, в этом деле дока. Найди нефтебазу, я знаю, она там у них есть, это информация точная. Мы оттуда должны были заправиться. Найдёшь, я на тебя надеюсь. Впрочем, водители топливозаправщиков из хозяйственного взвода не раз бывали на нефтебазе. Оттуда обязаны снабжать нас топливом. Сам понимаешь, без него мы ничто. Наши снабженцы должны были прибыть с основным составом. Это их хлеб. Так видишь, что получилось. Придётся самим. Но и два танка отправлять на поиск – лишняя трата топлива. Понимать должен. Если вдруг заартачится кто, так от моего имени потребуй. Мол, военное время, то да сё...

С первого дня пребывания в Красной армии к Кузьме обращались чаще всего по имени-отчеству, изредка – по званию. Сам Кольцов относился к этому спокойно, как к должному. Всё-таки и кандидат в члены ВКП (б), и бригадир тракторной бригады в колхозе до службы – это что-то да значит. И здесь, в танковой роте, он пользовался непререкаемым авторитетом среди сослуживцев. Притом не только в кругу солдат, сержантов, но и среди офицеров. Не по годам рассудительный, спокойный, грамотный специалист в своём деле, успевший до призыва в армию окончить пять классов в Слободской школе, он притягивал внимание сослуживцев, вызывал уважительное отношение к себе.

Вот и сейчас ему доверили очень ответственное задание. А где и как искать, если в этой местности Кузьма впервые в жизни? То, что командир роты показал на карте, – это одно, а в жизни, на местности – другое. На командирской карте не указано, что районный центр уже в огне: чёрные, густые клубы дыма стоят над населённым пунктом, достигают своими космами

и сюда, в поле, где остановился танк младшего сержанта Кольцова. А решения ему принимать и незамедлительно, время не ждёт.

– Павел! Назаров! – младший сержант принял решение. – Остаёшься за командира экипажа, будь всегда на связи. Обнаружить, найти машину с боеприпасами любой ценой и ждать нас вот на этом месте.

– Есть! – чётко, по уставу ответил стрелок-радист. – Разрешите выполнять?

– Минутку, – Кузьма на мгновение задумался: кого взять с собой из экипажа? Выбор пал на новичка.

– Мы с Агафоном на топливозаправщиках поедem искать солярку.

Танк, взревев, направился дальше по грунтовой дороге, что вела вокруг районного центра куда-то мимо леса навстречу войне.

Водитель машины в засаленной, некогда синей технической форме, и сам такой же вымазанный, скалил в улыбке ослепительно белые на грязном лице зубы, излучал такой оптимизм и жизнелюбие, что Кузьма только диву давался.

– Ты чему радуешься, браток? – не утерпел спросить Кольцов. – Оглянись: вокруг война, горе, а ты... погибшие товарищи, тут не до смеха.

– А плакать зачем? – вдруг став серьёзным, строгим, задал встречный вопрос солдат. – Нам, рядовому составу Красной армии, плакать не позволено по уставу, сам знаешь, не мне тебя учить. Так что... Иль, командир, ты меня за дурака принимаешь?

– Я бы так не сказал, однако... вроде и смех не к месту.

– А вот это ты зря, товарищ младший сержант. Я, может, переживаю не меньше других, если не больше, да только вида не кажу. Понятно тебе? Да, война; да гибнут товарищи; да, беда над нами всеми, над страной. Скажу больше: не далее как часа три назад я похоронил своего дружка Ваську Потапова, он дневалил по парку, когда самолёты налетели. Так вот он не плакал, не страдал, не переживал, а выводил танки да машины из-под обстрела, пока мы все дрыхли, а потом от страха тряслись. Вот этот топливозаправщик, на котором мы с тобой едем, он тоже вывел, спас. И умирал на моих руках, не плакал. И меня просил не плакать, говорил, что с улыбкой и помирать легче, а он-то знал, что и как говорить в тот момент.

Водитель с силой ударил рукой по рулю, и вдруг снова улыбнулся.

– Это же мой сосед, Васька-то, мы с ним из одной деревни на Алтае, с детства всегда рядом, всегда вместе. И тут война... и тут Васёк... – лицо солдата резко исказила гримаса боли, он заскрежетал зубами, замотал головой, глаза мгновенно повлажнели. – Он просил не плакать, и я не буду, не буду! Я их рвать зубами на куски стану! Улыбаться буду и рвать, рва-а-ать! За себя рвать буду и за Ваську, понятно тебе?!

И уже плакал, плакал навзрыд, не стесняясь бегущих по щекам слёз, успевая вытирать грязным рукавом и без того грязное лицо.

Кузьма сидел рядом, молчал, не успокаивал, ничего не говорил.

Ему, младшему сержанту Кольцову, тоже было не до смеха. Тоже хотелось завывать, заплакать, заорать, наконец, чтобы выплакать, выкричать всю боль, что скопилась на сердце, в душе.

Сам Кольцов считал себя намного старше вот этого солдатика, хотя на самом деле они были одногодками или почти одногодками, одного призыва. Однако, то положение в обществе до службы, а теперь и командирская должность в армии делали его в глазах сослуживцев, в собственных глазах старше ровесников, старше подчинённых. Да, наверное, и не только в глазах, коль к нему так обращаются и солдаты, и командиры.

Наконец солдатик притих, продолжая вести машину, внимательно смотрел на просёлочную дорогу, что уже петляла по окрестности районного центра.

– Зовут-то тебя как?

– Петькой, Петром меня зовут, командир, Петром Васильевичем Пановым, – он снова улыбался, бросив на Кузьму мимолетный взгляд. – Друг-то Васька, Василий Иванович, а как же

Василию Ивановичу быть без верного Петьки? Вот нас в деревне и звали все чапаевцами: Василий Иванович и Петька. И-э-э-эх! – солдат снова с силой ударил по рулю, повернул к соседу теперь уже опять улыбающееся лицо с лучистыми, горящими глазами. – Будем жить, командир! Будем! Несмотря ни на что – будем! Назло всяким Гитлерам и всем фашистам – будем жи-и-ить! И бить их будем, бу-у-де-е-м!

Кузьма ничего не сказал, лишь коснулся рукой плеча солдата, слегка сжал его.

– Слушай, командир, а у тебя накладные на топливо есть? – безо всякого перехода спросил Петька. – Доверенность?

– Какие накладные? Кто бы мне их дал? – младший сержант заёрзал на сиденье, отчётливо понимая всю сложность и безнадёжность своего положения. – Думаешь, на нефтебазе не дадут без них?

– Было бы топливо, а там посмотрим. Я не только смеяться да плакать умею, – вдруг снова жёстко заговорил Петро. – До войны точно бы не дали, я их знаю, этих клизм складских. На драной козе не подъедешь. Мы же здесь прикомандированы уже с месяц на танковом полигоне, всегда на этой нефтебазе заправлились. Но тогда мирное время было, без накладных, без доверенностей с печатью гербовой, сам понимаешь, ни шагу. Но теперь-то другое дело.

На окраине районного центра горела нефтебаза. Две пожарные машины и одна пожарная конная телега с бочкой воды и большим ручным насосом, запряжённая двумя лошадьми, суетились на въезде, не решаясь заехать на территорию из-за сильной жары, что доставала и до остановившихся в отдалении двух топливозаправщиков.

– Привет, Афоня, – оказывается, Петька знаком и с новым заряжающим Агафоном Куцым. – Теперь в этом экипаже, земля?

– Да-а, – как-то без особого оптимизма ответил заряжающий. – От вашей машины огонь перекинулся и на наш танк. Вот он и сгорел, холера вас бери с вашими бочками.

– Ну-ну, Афоня, не серчай! Я тебе подарю первый же немецкий танк, не расстраивайся.

– Балабол, чего тут скажешь, – солдат подошёл в Кузьме, взял за локоть. – Что, так и будем стоять, командир? Огонь не скоро погаснет с такими тушителями, – кивнул в сторону пожарных.

Петро в это время стоял и разговаривал, размахивая руками, с каким-то низеньким, толстеньким мужичком с папкой под мышками.

– Вот, товарищ командир, Егор Петрович, заведующий нефтебазой, – солдат подвёл мужичка к Кольцову, слегка подтолкнул вперед. – Придётся ручными насосами качать.

– Оно, и самотёком можно, если машину в низину за эстакадой поставить. Да шланги соединить. Вот только огонь...

И на самом деле: горели бочки с бензином. Ёмкости с соляровкой находились в некотором удалении, в углу обнесённой проволокой территории, но от жары к ним нельзя было добраться, чтобы открыть вентиль и наполнить топливозаправщики самотёком или с помощью ручных помп, поскольку электричества после бомбёжки не было. Да и никто не мог исключить, что сами бочки с соляровкой взорвутся.

К ёмкости с дизельным топливом подошла одна пожарная машина и стала поливать водой, затем и другая машина пришла ей на помощь. Рабочие притащили шланги, принялись соединять. Топливозаправщики встали под загрузку, а заведующий нефтебазой всё бегал, хлопал руками по ляжкам.

– Берите, берите, парни. А то снова, не дай бог, налетят, и этого не будет.

В подтверждение его слов в воздухе послышались рёв самолётов: на районный центр надвигалась очередная волна немецких бомбардировщиков. Три из них уже пикировали на нефтебазу.

Кольцов с товарищами еле успели отъехать, как на месте нефтебазы горел огромный яркий костёр, поглощая в себя всё живое и неживое. Взорвавшиеся ёмкости с топливом раз-

брасывали вокруг себя горящие брызги на близлежащие дома, ветром пламя сносило дальше, и уже почти весь пригород районного центра был охвачен огнём.

Вторую машину так и не успели заправить полностью: помешал налёт самолётов. Полу-пустая, она ехала впереди, поднимая шлейф пыли. И вдруг над ними пронёсся самолёт.

Столб земли вырос перед машиной, в которой были Кузьма с Петром. Взрывной волной только колыхнуло топливозаправщик, шофёр еле успел объехать воронку от бомбы.

– Твою мать! Это уже серьёзно, командир! – и резко бросил машину вправо, в поле.

– Куда, ты куда? – заорал Кузьма.

– Не мешай, командир! – с застывшей на лице усмешкой, Петька вёл машину, поминутно выглядывая из кабины. – Ты ему кукиш, кукиш, сержант! Вдруг испугаешь. Или язык покажи: вдруг рассмешишь, твою мать. Он от хохота обгадится, а мы в это время и спасёмся. Помолчи! Я рулю, а ты терпи!

Машина дребезжала, подпрыгивая на кочках, скрипела фанерной кабиной.

Самолёт к этому времени развернулся и направился на топливозаправщик Петра точно по курсу – в лоб. Кузьма вжался в сиденье, безмолвно, неотрывно смотрел на несущуюся с неба смерть, понимая, что он сам в этой ситуации совершенно бессилен. Фанерная кабина была плохой защитой.

До какого-то мгновения водитель не менял направления, шёл прямо навстречу самолёту, когда казалось – всё, конец! И вдруг по одному ему ведомым соображениям снова отвернул резко в сторону, обратно к дороге.

Бомба взорвалась где-то позади машины, и Пётр тут же громко расхохотался. Только смех его был, как и в прошлый раз, на грани срыва.

– Видал, как мы его? – зло произнёс водитель.

Идущий впереди топливозаправщик вдруг начал ходить по кругу, потом совсем остановился, из него повалил густой чёрный дым. В тот же миг Петро направил свою машину в облако дыма, и ещё через какое-то время они и сами уже ничего не видели, стояли под прикрытием дымовой завесы, что образовалась от горевшего заправщика. Однако ветром сносило дым в сторону, и Панов увидел, как из кабины вывалился его сослуживец.

Пётр тут же бросился к товарищу, но ему навстречу уже шёл Агафон и нёс на руках раненого водителя. Самолёт к тому времени улетел, и в очередной раз за этот день наступила тишина, которая нарушалась только треском и гулом горящего топлива да громкими криками Петьки.

– Афоня! Что с Ванькой?

– Не ори, помоги лучше, – дрогнувшим голосом ответил Куцый.

Водителя первой машины ранило осколком бомбы в левый бок, выворотив наизнанку кишки, свисавшие теперь из-под грязной одежды. Агафон, положив ношу на траву, стоял на коленях перед солдатом, не зная, что делать, что предпринять. Лишь приговаривал:

– Терпи, Ваня, терпи, дружок. Мы сейчас, сейчас, браток, – голос срывался, руки дрожали.

Кузьма с Петром находились рядом, смотрели, как бледнело лицо раненого, как жизнь покидала солдата, не в силах помочь, спасти.

Танк КВ и обнаруженная машина с боеприпасами, прицепленная за танковый трос, находился там, где и указал Кузьма.

Павел Назаров выбежал навстречу, радостно размахивая руками.

– Командир, командир, мы их нашли почти сразу. Чуть-чуть до нас не доехали. Бензин кончился. А как у вас?

Пока танкисты ждали товарищей с топливом, времени они даром не теряли. Невзирая на протесты водителя, загрузили себе полный боекомплект, зарядили несколько лент к танковому пулемёту и сейчас гордо показывали командиру свои достижения.

Однако уже на полигоне часть снарядов, что загрузил себе экипаж Кузьмы, командир роты приказал изъять, чтобы хватило на всех, и поделил поровну. По два цинка патронов досталось на каждый танковый пулемёт, и это уже что-то. Личного оружия так и не было ни у кого. Говорят, его везли на других машинах.

Заправили баки топливом, и небольшая колонна из шести танков, одной танкетки, одного топливозаправщика выдвинулась на исходный рубеж к деревне Мишино. Резерв командира роты под командованием лейтенанта Шкодина ехал в крытом брезентом газике с прицепленной к нему полевой кухней сразу за командирским танком. Машину тыловики, что доставила боеприпасы, не оставили на танкодроме, а снова зацепили тросом за танк в надежде на то, что удастся достать бензин и для неё.

Выдвинулись ближе к вечеру, чтобы обезопасить себя от налёта вражеской авиации. Но на всякий случай капитан Паршин приказал стрелкам-радистам быть готовыми к отражению воздушной атаки пулемётами.

Первый военный июньский день не спешил покидать землю, цеплялся за жизнь, как цеплялись за неё тысячи и тысячи людей на этой земле. Они потянулись бесконечной вереницей вглубь страны, подальше от границы, туда, где с большей долей уверенности можно было и сохранить эту жизнь.

Небольшое воинское подразделение из нескольких танков бежало навстречу войне, торопилось туда, где в ночи вспыхивали сполохи пожаров, гремели страшные взрывы.

Кузьма, как и другие командиры экипажей, сидел на краю люка, свесив ноги внутрь танка, смотрел на покрывшиеся волдырями руки, думал, чем бы их замочить. И вдруг до него дошло, что за весь день он так и не вспомнил о раненых руках, обожжённом лице, да они и не напоминали о себе всё это время. Или не болели? А кто его знает? Вроде, как и не болели, или кажется, что не болели? А вот сейчас заболели, напомнили о себе.

Из люка появилась голова заряжающего Агафона Куцего. Грязное, в масляных потёках лицо смотрело снизу на командира выжидающе и строго.

– Чего тебе? – перекричав шум двигателя, спросил командир.

– Там у меня сухой паёк в сидоре. Когда можно будет его распечатать? А то больно есть хочется, да и ребята...

– Терпите, как остановимся, тогда все вместе.

Спустя минуту Кузьма уже слышал в наушниках, как оповещал по внутреннему переговорному устройству сослуживцев Агафон:

– Приказано терпеть, вот так-то, братва. Голодные, злее будем.

– Вот так всегда, – отозвался механик-водитель Андрей Суздальцев. – И где справедливость?

Остальные члены экипажа промолчали или не были подключены к переговорному устройству.

Огромное, почти чёрное в ночи, облако густой пыли висело над притихшей, затаившейся землёй, словно пыталось собой прикрыть её от чужого вторжения.

По радиции командир приказал прекратить всякие разговоры, без крайней необходимости на связь не выходить, строго выдерживать дистанцию.

Обогнали несколько колонн пехоты, что так же спешили навстречу войне.

Вдоль дорог то тут, то там горели небольшие костерки, вокруг них суетились женщины, старики, дети; висели котелки с немудрёным варевом.

Нескончаемый людской поток двигался куда-то вглубь страны, подальше от вражеских самолётов, от стрельбы, взрывов, смерти.

Несколько раз навстречу попадались большие гурты скота, которые тоже гнали по полям, уводили от линии фронта. Погонщики скота стояли в пыли, смотрели вслед проходящим танкам, махали руками.

Непреодолимой преградой для ротной танковой колонны стала небольшая, но топкая речушка Щара, что брала своё начало где-то в болотистом Полесье, чтобы соединиться с Нёманом правее местечка Мосты. Ещё бы с час езды, и вот он – рубеж обороны танкового полка, куда так спешила рота капитана Паршина. Но мост через речку был разбомблен.

Они оказались не одиноки: на этом берегу скопилось немалое количество войск. Видны были тракторные тягачи с тяжёлыми орудиями на прицепах; несколько санитарных машин какого-то госпиталя, чуть в отдалении сосредоточились машины с боеприпасами, укрытые брезентом. Пехота расположилась вдоль дороги по обочинам в мелком кустарнике. Некоторые пехотные подразделения пытались форсировать реку вплавь, уходили куда-то берегом, на подручных средствах переправлялись на ту сторону, ближе к войне. Руководил ими, подгонял пехоту сорвавшимся голосом майор, который уже не мог говорить, а лишь сипел, помогая себе зажатым в руке пистолетом.

Как выяснил потом командир роты, это были части 10-й армии Западного фронта, куда и входил танковый полк с ротой капитана Паршина.

Ближе к рассвету началось движение, войска вытягивались в походные колонны, уходили вдоль реки вверх по течению: прошла команда переправляться по только что наведённой переправе.

Ночью капитан Паршин расстарался, и теперь все командиры танков и члены экипажей имели табельное оружие – пистолеты ТТ с двумя обоймами патронов к ним. Правда, пополнить боезапас танков так и не получилось, как не удалось и дозаправить машины. Даже напротив, остатки солярки, что ещё сохранились в пришедшем с полигона топливозаправщике Петра Панова, пришлось раздать тракторным тягачам. И сейчас водитель бегал среди танкистов, жаловался всем:

– Какие хитрые эти трактористы с артиллеристами! Ты добудь соляру эту, как мы добыли; сохрани её, а потом и разбазаривай. Ваньку, Ивана потеряли из-за солярки, а они, а они... и-э-э-эх!

Несколько раз порывался подойти к командиру роты, но так и не осмелился, своё негодование высказывал экипажу Кольцова.

– Нет, ну вы посмотрите?! А кому я сейчас нужен с пустым топливозаправщиком?

– Охолонь, Петя, – Агафон сунул в руки Петру горсть сухарей. – Побереги нервы: они тебе пригодятся, судя по всему.

К переправе подошли на рассвете. Сначала пустили тяжёлую артиллерию, за ней выстраивались танки капитана Паршина. И в то мгновение, когда первый трактор ещё не успел коснуться гусеницами противоположного берега, заработали зенитки, прикрывающие переправу.

Откуда-то из-за леса на малой высоте появился первый немецкий бомбардировщик. Следом за ним с разных сторон обрушилось ещё несколько самолётов.

Взрывы слились в несмолкаемый, оглушающий грохот, поднимая в воздух брёвна с переправы, столбы воды с грязью, оторванную от тягача пушку перевернуло в воздухе, будто фанерную, колесо просвистело в непосредственной близости от танка младшего сержанта Кольцова. Топливозаправщик Панова горел. Сам водитель успел выскочить из машины, взобрался на броню командирского танка, уцепился за скобу.

– Рассредоточиться! – раздалась в шлемофоне команда командира роты.

Танк, взревев, сорвался с места, направился в густые заросли подлеска, подальше от переправы. Туда же выдвигались и другие экипажи.

Укрыться не успели. Пока объезжали небольшое болотце, как к переправе вновь направились немецкие самолёты.

И танки горели. Их танки КВ – горели! Пылал командирский танк, который не успел выехать из огромной воронки на краю болота. Из открытых люков в спешке выпрыгивали танкисты. Петро Панов первым кинулся на помощь, вытащил из люка командира роты капитана

Паршина. Бледное, как мел, лицо ротного с тонкими кровавыми ручейками изо рта и ушей смотрело на окружающий мир потухшими глазами, руки безвольно свисали к земле.

Вокруг дымились танки, стонали раненые, горели машины.

– Офицеров требует к себе адъютант начальника оперативного отдела полковник Шубин! – высокий подтянутый и опрятный сержант с непривычным для танкистов автоматом в руках требовательно тормозил за плечо танкиста. – Кто есть из офицерского состава? А коммунисты есть?

– Есть. Я – коммунист, – Кузьма повернулся к сержанту, застыл перед ним по стойке «смирно». – Младший сержант Кольцов!

– Коммунистов собирает заместитель начальника политического отдела майор Душкин.

Разбросанные брёвна настила, горящие машины, истошные крики и стоны раненых, команды начальников разных рангов и должностей – всё это преобладало сейчас на месте бывшей переправы. Трупы убитых лошадей, остовы сгоревшей и продолжающей гореть техники, огромные воронки от разорвавшихся бомб видел Кузьма всю дорогу до штабной машины, которая стояла под прикрытием старого дуба на опушке леса, что начинался в полукилометре от переправы.

Куда-то сновали адъютанты и порученцы, радист настойчиво вызывал «Немана», несли на носилках раненых, хоронили в братскую могилу убитых, стучали топорами сапёры. Наступало утро нового дня войны.

Глава вторая

Данила шёл лесом. Возвращался в деревню, рассчитывал попасть домой засветло. Пошёл не вдоль реки, а кружной дорогой, через гать.

До Вишенок оставалось почти ничего, ещё один свороток за Михеевым дубом, и вот они – огороды. Но справа, со стороны Горелого лога, вдруг раздались выстрелы.

Мужчина присел и уже на корточках перебрался за ствол старой сосны, стал внимательно всматриваться и прислушиваться к лесу.

Так и есть: вот послышался топот, шум пробирающегося сквозь кустарники, бегущего напролом человека, а потом и сам незнакомец, заросший, бородатый, в пиджаке на голое тело, с туго набитым солдатским вещевым мешком за плечами, стремительно пробежал почти рядом в сторону соседней деревни Борки.

Данила проводил его взглядом, пытаясь узнать человека, но нет: на ум никто не приходил с такой походкой, с таким внешним видом. Но в том, что этот человек молод, сомнений не возникло: бежал резво, легко, играючи перепрыгнул канаву вдоль дороги.

– Леший? – настолько грязным, безобразным был внешний вид человека. – Лешие не стреляют, – прошептал про себя, – и с сидором за спиной не бегают по лесам.

Крадучись стал продвигаться туда, где только что слышны были выстрелы.

На небольшой полянке, из-за сломанной молнией сосны услышал стон. Снова замер и медленно, стараясь не хрустнуть веткой, стал пробираться на звук.

Недалеко, почти на перекрестке дорог, за деревом увидел сидящего на земле красноармейца с перебинтованным левым плечом, левой рукой на грязной тряпке. Рядом с ним лежал ещё один. По знакам различия Кольцов понял, что это какой-то начальник, да и старше возрастом, потому как седой весь...

Раненый солдат уронил голову: то ли уснул, то ли потерял сознание. Данила ещё с минуту наблюдал за ним и, убедившись, что тот не двигается, стал тихонько подкрадываться, поминутно останавливаясь, стараясь не вспугнуть.

Когда до красноармейцев оставалось совсем ничего, не более двух шагов, раненый медленно поднял голову и встретился взглядом с Данилой.

Кольцова бросило в жар: этого человека он уже где-то видел! Видел в той ещё довоенной жизни! Хоть и заросший, измождённый, но знакомый. Так и есть, вспомнил! Это же сын сапожника из Борков одноногого Михаила Михайловича Лосева, Лёнька!

– Леонид, Леонид Михайлович? – то ли спросил, то ли ещё больше уверовал Данила. – Лёня? Лосев?

Красноармеец сделал попытку подняться, что-то наподобие жалкой, вымученной улыбки отобразилось на лице раненого, однако сказать ничего не смог.

– Вот тебе раз! Вот тебе два! Так вам же, парни, без меня не обойтись, судя по всему, – Кольцов опустился на колени, смекая, как бы ловчее взять одного из них. – Я только что с папкой, с Михал Михалычем говорил, о тебе вспоминал батя. А тут и ты, слава богу, лёгок на помине. Вот радость-то родителям!

– Командира, командира, дядя Данила, – выходит, Леонид тоже узнал его. – Потом, меня потом, – закончил еле слышно, и снова застыл в бессилии.

Данила подчинился, а теперь стоял с раненым на руках в раздумье: куда конкретно? Думал, решал, а ноги сами собой понесли к бывшему подворью покойного деда Прокопа Волчкова. Оно примыкает к лесу, можно без оглядки подойти к нему. Дом давно развалился, дочка разобрала и вывезла брёвна в Пустошку, а вот погреб сохранился, хотя и просел маленько. И сад остался стоять, хороший сад, густой, со старыми, но плодоносящими яблонями и грушами, с вишнями по периметру. До сих пор Кольцовы с Гринями сажают в этом огороде кар-

тошку. А вокруг погребов сильно разрослись крапива, полынь да лопухи. И только узкая тропинка вела к погребу, который нет-нет да использовали то Грини, то Кольцовы для своих нужд.

Шёл сторожко, поминутно оглядываясь, часто останавливался, прислушиваясь к деревенским звукам и, только убедившись, что всё тихо, продолжал движение.

Уже перед самым входом в погреб вдруг обнаружил соседа и родственника Ефима Гриня за плетнём. Он вёл на веревке телушку к дому. И Ефим заметил, как в нерешительности топтался Данила перед погребом со столь необычной ношей, и всё понял: скоренько привязал скотину к столбику, бросился на помощь. Кольцов по привычке хотел ответить отказом, грубо, но сдержал себя, понимая, не тот случай, без посторонней помощи не обойтись: двери погреба были приткнуты снаружи палкой, надо её убрать, отворить дверь. Сделать это с раненым на руках было трудно. Да и вообще...

– Открывай, чего стоишь?! – сквозь зубы произнёс Данила.

Уложили раненого на подстеленную Гринем охапку свежей травы.

– Я – до доктора Дрогунова в Слободу, – снова процедил сквозь зубы Данила, не глядя на соседа. – Там, у Горелого лога, под сосной со сломанной вершиной, что у развилки, раненый Лёнька Лосев, сын Михал Михалыча, сапожника одноногого из Борков.

– Возьми мой велосипед: так будет быстрее, – тоже не глядя на Кольцова, но с видимой теплотой в голосе произнёс Ефим.

Гринь прикрыл дверь, приставил палку и как бы между делом, не торопясь, направился к Горелому логу.

Почти десять лет минуло с той поры, как Данила узнал об измене жены с лучшим другом и соседом Ефимом Гринем. И за всё это время ещё ни одного раза они не заговорили друг с другом, хотя продолжали жить рядом, по соседству. Жёны, дети общались как ни в чём ни бывало, а вот мужики так и не смогли преодолеть разрыв. Правда, Ефим несколько раз пытался помириться, даже однажды становился на колени перед старым другом, но...

Однако как-то прижились, смирились, а вот сегодня пообщались, заговорили впервые за столь долгое время.

Доктор приехал к исходу дня в возке, остановился у дома Кольцовых.

Встречал сам хозяин, сразу повёл в дом.

Сын Никита только что на деревне растрезвонил сверстникам, что мамке что-то стало плохо, худо совсем, мается то ли животом, то ли ещё чем, вот папка и поехал в Слободу к доктору на велосипеде. А чтобы дети не заподозрили подвоха, Марфа на самом деле прилегла за ширму на кровати, стонала, жалилась на страшные боли внутри.

Дрогунов заночевал в Вишенках, не стал возвращаться домой в Слободу, боясь комендантского часа. Раненых навестил только ночью, когда исключена была всякая случайность. Даже фонарь стали зажигать уже внутри погреба, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Там же было решено, что из прохладного, сырого погреба раненых необходимо поместить в чистое, сухое и тёплое, но, самое главное, безопасное место. Дом Кольцовых сам доктор отнёс как очень рискованный.

– Не дай боже, Данила Никитич, кто-то донесёт немцам, а у тебя вон какая семья. Нельзя рисковать, сам понимаешь.

– А что ж делать? – развёл руками Данила, соглашаясь с убедительными доводами Павла Петровича. – Как же быть? Куда? Может, в сад, в шалаш?

В колхозном саду, где Данила был и садовником и сторожем, стоял ладный, утеплённый шалаш.

– Ко мне, к нам, – уверенно и твёрдо предложил присутствующий здесь же Ефим. – Ульянку можно на всякий случай к Кольцовым, а раненых – к нам.

– Дитё ведь, бегать будет туда-сюда, увидит, вопросов не оберётся, – предостерег Данила. – А что знает дитё, то знает весь мир.

– А мы замкнём переднюю хату, да и дело с концом. А ещё лучше, чтобы Фрося твоя уговорила Ульянку пожить с вами хотя бы с неделю, а там видно будет.

– Нет, так тоже дело не пойдёт. Детишки – они любопытные, мало ли что...

– Правильно, – поддержал доктор. – Давайте-ка лучше в Пустошку, к Надежде Марковне Никулиной, так надёжней будет. Одна живёт, на краю леса, бывшая санитарка, да и с народной медициной на короткой ноге, травки-отвары всякие, а это в наше время при отсутствии лекарств первейшее дело. Женщина она проверенная, калач тёртый, наш человек.

Решили не откладывать в долгий ящик и в ту же ночь отвезли раненых в Пустошку. Сопровождать доктора в таком рискованном деле взялись Данила с Ефимом, на всякий случай вооружившись винтовками, что привезли ещё с той, первой войны с немцами. Мало ли что? Сейчас по лесам помимо добрых людей шастают и тёмные людишки. Вон пополудни, когда Данила обнаружил Лёньку Лосева с командиром. Тоже какой-то леший шарахался в окрестностях, стрелял в красноармейцев. Так что охрана не помешает.

Уже ближе к рассвету, когда вдвоём вернулись обратно в Вишенки (доктор остался на ночь в Пустошке при раненых), Данила ухватил Гриня у калитки своего дома за грудь, пригнул к себе.

– Ты это, не особо-то: враг ты мне, вра-а-аг! – резко оттолкнув соседа от себя, решительно шагнул в темноту.

– А ты дурак, Данилка, ду-у-рак! – успел ответить Ефим и ещё долго стоял на улице, вслушиваясь в предрассветную тишину, усмехаясь в бороду.

«Вот же характер, – то ли осуждающе, то ли восхищённо заметил про себя Ефим. – Это сколько же лет прошло, а всё никак не усмирят гордыню. Ну-ну... хотя кто его знает, как бы я поступил?».

В дом не стал заходить, сел на ганки, вспоминал.

Ещё впервые дни, когда объявили мобилизацию, успели призвать или ушли добровольцами на фронт молодые, подлежащие призыву мужики и парни, а потом как-то быстро появились немцы.

С молодыми ушёл и председатель колхоза Пантелей Иванович Сидоркин. Посчитал, что на фронте он будет нужнее.

Ефим, по настоянию Сидоркина, снял запчасти с колхозной техники, что не попала под призыв в Красную армию.

– Схорони, Ефим Егорович, потом, после победы, люди тебе будут благодарны. Вот так вот. Прячь по разным местам, да смотри, чтобы помощники были надёжными, не выдали чтоб. Вернись – спрошу как следует!

В помощники взял себе Вовку Кольцова, Петьку Кондратова.

Три трактора своим ходом загнали за болото, что между Вишенками и Рунёй. Выбрали место, укрыли надёжно. Конечно, перед этим разобрали, сняли всё, что можно было. Так что, если даже враг и обнаружит, то завести их, запустить уж точно не сможет. На всякий случай прятали детали все вместе: Ефим Егорович, Петька, Вовка.

– Запоминайте, парни, где и что лежит. Война ведь, чего зря рисковать. Мало ли что может случиться? А так есть надежда, что хотя бы один из нас выживет, дожждётся победы.

Прицепные тракторные жатки отвезли на луга к Волчьей заимке, припрятали там. Винза-вод остался почти целым. Только взорвали динамо-машину, что электричество давало на завод и Вишенки с Борками. Подрывники весь завод минировать не стали.

Вот сейчас немецкие власти приказали срочно проводить уборочную. А её, власть эту, представляет сбежавший ещё при коллективизации первый председатель комитета бедноты в Вишенках, первый председатель колхоза Кондрат-примак. Кондрат Петрович Щур – бургомистр, глава районной управы.

На крытой машине приехал первый раз в деревню Щур под охраной полицейских. Собрали тогда жителей Вишенок, бургомистр лично зачитал приказ немецкого командования: «Отныне всё имущество колхоза „Вишенки“, включая поля с урожаем, принадлежит великой Германии со всем движимым и недвижимым имуществом. А полноправным представителем новой власти является районная управа».

В приказном порядке с подачи районного бургомистра назначил Никиту Кондратова по старой памяти за старшего над Вишенками, приказал приступить к уборке.

– Побойся Бога, Кондрат, – закричал в тот момент Никита. – Какой из меня начальник? Стар я, да и грамоте не обучен. Тут голова должна варить ещё как!

– Запомни, мужик! Не с Кондратом-примаком разговариваешь, а с самим бургомистром, с господином бургомистром! – вдруг разом побледнел, стал блее мела бургомистр. – А ну-ка, парни, – обратился к группе полицейских, что прибыли вместе со Щуром, – всыпьте хорошенько этому человеку. Пускай все знают, что ко мне надо обращаться «господин бургомистр» или «пан бургомистр», и перечить тоже нельзя, если жизнь дорога.

На виду у всей деревни избили Никиту, приставили к стенке конторы.

– Вот так будет лучше, надёжней, – довольный бургомистр окинул взглядом притихшую толпу. – Следующий вид наказания – расстрел! Сами должны понимать, что неисполнение приказов немецкого командования и районной управы – это тяжкое преступление. И оно карается одним – расстрелом. Поэтому, что говорить и что делать – отныне будете знать твёрдо.

– Сегодня же обмерить все поля колхоза с точным указанием, где, что и сколько посеяно. А чтобы вам не было повадно, оставляю в Вишенках как контролирующий орган отделение полиции во главе с Василием Никоноровичем Ласым. Он будет полноправным представителем немецкого командования и районной управы, – указал рукой на топтавшихся рядом группу полицейских, выделив лет под пятьдесят мужика с винтовкой, в чёрной форменной одежде. – Через две недели у меня на столе в управе должны лежать все данные о ходе уборки урожая 1941 года. Но! Никакого воровства, обмана быть не должно! Всё до последнего зёрнышка убрать, смолотить и отчитаться. Только потом будем вести речь о выплате трудодней. Учтите, это вам не советская власть, а немецкий порядок.

– И сколько, мил человек, господин бургомистр, мы будем иметь на один трудодень? – спросила Агриппина Солодова, бывшая сожительница Кондрата-примака. И тон, и то выражение мести и справедливости, что застыло на лице молодницы, не предвещали ничего хорошего. Ещё с первого мгновения, когда женщина увидела такого начальника, глаза заблестели, губы хищно сжались, тонкие ноздри подрагивали в предчувствии большого скандала.

– Иль мне по старой памяти поблажка будет, ай как? Всё ж таки тебя, страдалец, сколько годочков кормила, от деток отрывала. А ты, негодник, сбёг! Сейчас ты снова в начальниках, как и хотелось твоей душеньке. А мне как жить старой, немощной? Долги-то отдавать надо! Не за бесплатно же обжирался у меня, прости господи, детишек моих родных объедал, харю наедал, что хоть поросят бей об эту рожу, такая жирная была, не хуже теперешней.

– Заткните поганый рот этой бабе! – прохрипел Кондрат, не ожидавший такого подвоха от некогда приютившей его женщины. – Халда! Шалава!

– К-к-как ты сказал? – взвилась Агриппина, оперев руки в бока.

Ни для кого не секрет в Вишенках, что сварливой и скандальной бабы в деревне не сыскать, а тут такой повод.

– Кто я? Как ты сказал? Это я-то халда и шалава? А ты-то, ты кто? Мужик? Как бы ни так! Бабы! Людцы добрые! – женщина перешла на крик, крутила головой, чтобы слышно было всем. – Я ж его взяла в примы, приютила, дура. Думала, надеялась, что ублажит, успокоит тело моё исстрадавшее без мужичьей ласки. А он, а он-то, бабоньки!? Елозил, и то по праздникам, тьфу, а поди ж ты, гонорится. Я тебе спесь собью, что места не найдёшь, антихрист! –

и решительно двинулась на бургомистра. – Забыл, холера, чёрт бесстыжий, как я тебя рогачом охаживала?

Кондрат кинулся, было, по старой памяти бежать, но вспомнил вдруг, что он уже не примак, а начальник, да ещё какой! Остановился, смерил презрительным взглядом женщину, поджидал, пританцовывая от нетерпения, от предвкушения.

Агрипина налетела из толпы прямо на застывшего в ожидании Кондрата, уцепилась ногтями в жирное, обрюзгшее лицо бывшего сожителя.

– Хлопцы! Хлопцы-ы! – заблажил бургомистр. – Чего ж стоите? В расход курву эту! В расход! – и всё никак не мог сбросить, отцепить от себя Агрипину.

И жители, и полицаи заходились от хохота, наблюдая за тщетными потугами бургомистра освободиться от женщины.

– Я тебе дам курву! Пёс шелудивый! – не унималась женщина, продолжая нападать на Кондрата, доставая ногтями лицо противника. – Я тебе покажу и халду, и шалаву!

Ефим видел, как бургомистр выхватил пистолет из кобуры, и тут же раздались выстрелы.

Агрипина ещё мгновение недоумённо смотрела на бывшего сожителя, потом начала оседать на землю всё с тем же застывшим недоумённым выражением на лице.

Тело женщины уже лежало у ног Кондрата, а он всё стрелял и стрелял с каким-то упоением на грани остервенения.

– Вот тебе! Вот тебе! Шалава! Шалава! Халда! Халда! Курва! Курва!

И даже когда вместо выстрела прозвучал холостой металлический щелчок, бургомистр всё ещё тыкал пистолетом в неподвижно лежащее тело женщины.

Смех мгновенно сменился ужасом, тяжёлым вздохом, что пронёсся над площадью у бывшей колхозной конторы.

Несколько полицаев бросились к начальнику, повисли на руках, Ласый отнял пистолет, отвёл Кондрата в сторону, что-то нашёптывая на ухо.

И тут над площадью раздался душераздирающий крик: к лежащей на земле матери кинулась младшая дочь Агрипины Анюта.

– О-о-ой ма-а-аменька-а-а-а! – заголосила, заламывая руки, упала на мать, обхватила, запричитала.

К ней присоединились голоса и её детей, внучек убитой, девчонок семи и десяти лет, что облепили Анну с двух сторон.

Сначала женщины из толпы колыхнулись, сделали попытку приблизиться к Агрипине, за ними и мужики двинулись следом, как над головами раздались выстрелы.

– Назад! – полицаи вскинули винтовки, начали теснить толпу обратно. – Назад! Стоять!

Люди отхлынули, в страхе теснее прижимались друг к дружке.

Это была первая смерть в Вишенках с начала войны.

– Ну, вы поняли, сволочи, что ожидает того, кто смеет поднять руку на законного представителя оккупационной власти? – Кондрат к этому времени оправился и, чувствуя поддержку и защиту со стороны полицаев, опять взирал на притихшую толпу, гневно поблескивая заплывшими жиром глазками. На щеках ярко выделялись глубокие царапины, наполненные кровью.

– Напоминаю! С завтрашнего дня приступить к уборке! Головой отвечаете! – и направился к ожидавшим машине, по пути пнув сапогом лежащую на земле бывшую сожительницу.

– Шалава, курва, халда! Она ещё будет... – бормотал бывший первый председатель колхоза в Вишенках Кондрат-примак, а ныне – бургомистр районной управы Кондрат Петрович Щур. – Все-е-ем покажу! Вы ещё не знаете меня, сволочи. По одной половице... это... дышать через раз... Шкуру спущу с каждого, если что, не дай боже. Будут они тут...

Полицаи поселились в доме Галины Петрик, выселив хозяйку в хлев. Готовить им, прибирать в хате приказали старшей дочери Гали тридцатилетней Полине, что жила по соседству с матерью.

Василий Никонорович Ласый зашёл в контору колхоза, долго беседовал с Никитой Кондратовым, инструктировал, что да как должно быть с уборкой.

– Смотри мне, человек! – напутствовал Никиту. – Я не знаю, какие у вас были отношения с господином Щуром. Мне это неинтересно, наплевать и размазать. Мне моя жизнь во сто-крат важнее и ближе твоей и всей деревни вместе взятой. Так что не вздумай шутковать: себе дороже. У меня разговор будет ещё короче, чем у пана бургомистра с этой бабой: в расход без предупреждения. Понятно я говорю? Переводчик не нужен? – полицай сунул к лицу Никиты большой волосатый кулак.

– Да-а уж... я это... – Никита Иванович отвечал неопределённо, тряс головой, пожимая плечами. – Да-а уж... вон оно как. Вот уж бог наказал ни за что, ни про что.

...Ефим сидел на ганках, смотрел, как зарождается новый день над Вишенками.

Притихла деревенька, ушла в себя, затаилась, себе на уме. Только Деснянка всё так же бежала, катила воды мимо, подтачивая на повороте высокий крутой берег. А он потихоньку осыпался, обнажая всё больше и больше корней вековой сосны на краю берега, что у Медвежьей поляны. Уже не только мелкие, тонкие корни её обнажились, но и явилась миру часть корней старых, толстых, заскорузлых, что десятилетиями удерживали дерево по-над обрывом. Пока ещё держали, но река своё дело тоже знала, подтачивала, постепенно сводя на нет усилия корней, лишая опоры.

Глава третья

Так дружно женщины не выходили на уборку урожая даже при колхозе, до войны.

Сразу на рассвете, когда хозяйки только-только собирались идти в хлев доить коров, Никита Кондратов и Аким Козлов уже пошли делать обход по деревне, заходили в каждый двор, в каждый дом, где была хоть какая-то женская душа.

– В поле, бабаныки, в поле. Жать рожь, а потом и за пшеничку возьмётесь. А сейчас рожь, бабы, рожь надо убрать, в наших интересах это, – наставлял хозяйку Никита. – Только работать надо как никогда хорошо, понятно я говорю?

– С чего это рвать пупа на немца, Никита Иванович? – иногда спрашивала хозяйка. – Чай, не на родных отца с мамкой пластаться в поле надо?

– Потом всё обскажу, моя хорошая. Это для себя, для нас, а не для германцев. Так надо, поверь.

С такими же речами по противоположной стороне улицы передвигался на самодельном протезе с батожком в руках Аким Козлов, убеждал молодежи:

– Берите домой столько зерна, сколько унести сможет. Да смотрите, чтобы на глаза полицаяв ни-ни!

Собирались в поле и в доме Кольцовых.

– Как тут не пойдёшь? – Марфа уже перекусила, вылезла из-за стола, а сейчас ждала остальных. – Это тебе не колхоз, по трудовням вряд ли что достанется, а жить-то надо. Вот оно как. Мёртвый, а пойдёшь. Спасибо и на том, что хотя бы предупредили, надоумили. Тут ещё и торбочки подготовить надо. А во что зерно для себя набирать? И подумать, куда их спрятать, чтобы, не дай боже, полицаи не заметили. Собирайтесь, девки, небось, вся деревня в поле, а мы всё чешемся, будто нам принесут.

Марфа с дочерью Агашей и Глаша жали рядом, шли друг за дружкой с краю поля, что граничит с Борковским картофельным полем. Чуть поотстав, четырнадцатилетняя Фрося жала наравне с взрослыми, хотя отец и не хотел отпускать её.

– Пусть бы дома была, в своём огороде дел невпроворот. Да и дитё ещё вроде как.

Фрося на самом деле была по росту самой маленькой среди остальных детей Кольцовых. В четырнадцать лет чуть-чуть опережала одиннадцатилетнюю сестру Таню.

– Успеется в огороде, отец, – рассудила Марфа. – По вечерам управимся с ним, никуда не убежит. А тут лишний килограмм зерна не помешает, сам знаешь. Дитё говоришь? Так и оно есть-пить просит. Пускай при мамке и поработает, корона не отвалится.

– Оно так, – вроде как соглашался Данила. – Однако кто его знает? – не найдя правильного решения, махнул рукой. – А-а, будь, что будет. Баба, она... ей виднее в бабьих делах.

Тут же рядом со жнищами сновали Ульяновка, Танюша и двенадцатилетний Никита. Стёпку оставили дома приглядеть за хозяйством, пасти гусей, нарвать травы свиньям, дать поило телку, что привязан на облоге за огородом. Вовка и Вася работали где-то вместе с мужиками.

Снопы оставляли на стерне. И когда их набиралось на суслон у каждой жницы, тогда распрямляли спины, сносили снопы в суслоны, ставили, отдыхая между делом. И снова приступали жать.

Девчонки несколько раз просили у старших серпы, пытались и сами жать, однако быстро уставали.

Приставленный для надзора за молодежью полицай большую часть дня валялся под суслонами, иногда вставал, нехотя обходил поле и снова ложился спать. Или курил, не отходя от снопов.

«Ну-у, – решили бабы, – если и дальше так вести себя будет, то так тому и быть: пусть спит или курит».

Тайком от полицаев стали скручивать, срывать колоски со ржи, но так, чтобы и не особо заметно было на снопе. С каждого по горсти, а уже за пазухой у Никиты да Ульянки с Танюшей хорошо заметно, оттопыривается.

– Бегите домой, в кадку, что в сенцах, высыпьте, да и обратно сюда, – наставляла детей Марфа. – Только смотрите, полицаев на глаза не попадайтесь, упаси боже! Мы уж потом и вылушим, а как же.

– А чтоб не так заметно было, наберите яблок летника полные пазухи, – подсказала Глаша. – Да полицаев угостите. Пусть жрёт, чтоб он подавился.

Малышня сновала туда-сюда по полю от мамок к дому и обратно. Знать, не сговорившись, бабы делали одно дело: таскали рожь.

Марфа жала, перевязывала перевяслом, кидала готовый сноп на землю, а мысли так и крутились в голове, перескакивали с одного на другое. Но чаще всего вспоминался сын Кузьма. Очень волновалась она за его судьбу.

– Ох, Господи! Что делается, что делается на белом свете? – женщина на секунду распрямилась, качнулась из стороны в сторону, размялась самую малость и снова принялась жать.

Левая рука хватала горсть стеблей, а правая с серпом тут же подрезала на непривычной высоте, бросала на изгиб в локте, готовила новый сноп.

Передал утром Аким Макарович Козлов, чтобы жницы оставляли стерню повыше. Так надо. Ну, надо, так надо. Марфа против ничего не имеет. Она чувствует и понимает, что мужики что-то замышляют. Им виднее. Так тому и быть.

Тут ещё молва прошла серед баб, что вечером, после того как подоят коров, надо бежать снова в поле, будет жать каждый сам себе рожь. Кто сколько сжал, тащить домой надо, прятать, а уж потом обмолотить втихую, чтобы эти полицаи с немцами не учуяли. Получается, сами же своё и воруют. Вон оно как. Да бежать в поле тоже тайком надо. Эти, что у Галки Петрик, грозилась всё держать под контролем, глаз не спускать. Как оно будет, одному Богу ведомо, а пойти придётся.

Женщина оторвалась от работы, разогнулась, по привычке осенила лоб, из-под рукиглянула на ржаное поле.

Мысли снова и снова кружились вокруг семьи, детей.

Вон Агаша. Свадьбу сыграли, расписались за день до войны. Муж её Петро Кондратов, хороший, работающий, на тракторе работал в бригаде Кузьмы. Не успели призвать в армию, потому и остался в Вишенках.

– Что ни делается, всё к лучшему, – прошептала Марфа. – Как оно будет, одному Богу ведомо. А тут мужик рядом живой, здоровый. Слава Господу, живут отдельно от родителей.

По весне Кузьму проводили в армию, а тут и Надя, что замужем в Пустошке, родила первенца.

– Стареем, куда деваться, – Марфа снова распрямилась, украдкой оглядела поле: не видит ли кто, не догадываются ли люди о её греховных мыслях? Но нет, все молодницы жнут, не отрываясь. Детишки снуют по полю туда-сюда.

Женщина опять принялась вспоминать, не прекращая жать. Руки по привычке делали своё дело, а мысли закрутились, наскокивают друг на друга в голове, только успевай думать.

Размышления Марфы прервали детские крики, громкая мужская ругань, что доносились от суслона, где сидел полицаев. На крик к суслону кинулись бабы, побежала и Марфа.

Какое же было изумление, когда увидела полицаев, который держал за воротник её сына Никиту.

– Чей хлопец? – вопрошал полицаев, гневно глядя на толпу женщин, что собрались к суслону, сбежались на крик.

– Мой, мой, – кинулась к сыну Марфа, но её грубо оттолкнул полицаев.

– Не подходи! – загородился свободной рукой от матери. – С ворами у нас будет один разговор: к стенке и никаких гвоздей!

– Да ты что? – оторопела Марфа. – За что?

– А вот за что, – мужчина выдернул рубашку у ребенка из штанишек и на стерню посыпались сорванные только что колоски ржи, полные зерна.

– По законам Германии вора надо расстрелять, понятно вам? Я обязан доставить его в комендатуру.

– Ой, мой миленький! – Марфа упала на колени, поползла к полицаяу. – Мой миленький мужчиночка! Пощади! Пожалей мальчика, умоляю! Пожалей моего сыночка родненького! Дитё совсем, истинно, дитё! – и ползла, ползла по высокой стерне, не смея поднять голову.

Все женщины замерли, молча, с замиранием сердца смотрели на мать, ползущую к полицаяу. И на ребёнка, который, казалось, отрешённо смотрел на происходящее, не до конца понимая, что здесь происходит.

Марфа обхватила ногу полицая, умоляя оставить, пощадить дитё неразумное, как мужчина с силой ударил её сапогом в лицо, а потом добавил прикладом винтовки сверху по спине. Женщина вдруг, разом безвольно рухнула лицом в стерню и замерла, как неживая.

– Я сказал: вора в комендатуру и под расстрел! – полицай, почуяв силу, входил в раж. – Я покажу вам воровать! Дышать будете, как я скажу! – и решительно направился в сторону деревни, удерживая за воротник Никитку.

Женщины, дети застыли, лишь безмолвно глядели на происходящее

И в это мгновение сзади к полицаяу кинулась Агаша, за два-три прыжка нагнала, с лёту ухватив одной рукой за волосы, дернула на себя, и тот же миг серп женщины застыл на горле мужчины.

– Стоять! – прошипела Агаша.

Он замер.

– Одно движение и я перережу твою глотку!

Острые маленькие зубья серпа уже впивались в шею, ещё чуть-чуть и...

– Отпусти мальчика! – потребовала Агаша.

Никита, освободившись, кинулся в толпу женщин.

– А сейчас бросай ружью на землю!

Винтовка в тот же миг упала в стерню, её тут же подхватила Глаша, сунула под суслон.

– Мордой вниз клади его, дева! Вали его, козла этого! – женщины осмелели, зашевелились, кинулись на помощь. – Вниз, вниз мордой, чтобы не видел никого, – стали советовать со стороны, плотным кольцом окружив полицая и Агашу. – А дёрнется, так мы поможем. Серпы наши острые.

Полицай безропотно подчинился, воткнув лицо в стерню. Агаша продолжала стоять над ним с серпом у горла.

– Вот так и лежи, пока мы не разойдёмся. А пикнешь – мы тебя кастрируем, как хряка.

Агаша аккуратно высвободила серп и, пятясь, стала уходить, смешалась с толпой жниц.

И только теперь вдруг расслабилась. Отхлебнула воды из бутылки, что сунул ко рту кто-то из женщин, стала приходить в себя и вдруг расплакалась до икоты.

Марфа, Глаша под руки подвели Агашу ко ржи, принудили жать. Все бабы к этому времени уже жали, не поднимая головы.

Полицай сидел в стерне, поминутно крутил головой, то и дело трогал себя за шею. Потом встал, долго, слишком долго стоял на одном месте, видно, что-то соображая. Наконец закурил и решительно направился в деревню.

Стоило ему скрыться за ближайшими кустами, как все женщины побросали работу, сгрудились у суслона, тревожно переговаривались, решали, что сейчас может быть и что им делать.

– А ты, дева, молодец! – баба Галя Петрик восхищённо смотрела на Агашу, переведя взгляд на Марфу с Глашой. – Это у вас порода такая отчаянная. Данила тоже по молодости был оторви голова. Не зря их с Фимкой Бесшабашными кличут до сих пор. Вот и ты в папку. Ну-у, молодец, девка! – не переставала восхищаться поступком Агаши. – Это ж додуматься? На взрослого мужика с серпом?

Агаша лишь пожимала плечами.

– Вот что, бабы, – раздался голос из толпы, – дело не шутейное. Давайте думать, что делать дальше.

– Надо мужикам всё рассказать, – вступила в разговор Глаша. – Они на то и мужики, чтобы баб оберегать. А ребятня пускай на всякий случай спрячется, да и подальше, чтобы их не сразу нашли, так надёжней будет. Мало ли что у них на уме, у полицаев этих.

Агашу отправили в деревню.

– Беги, девка, да спрячься где ни то.

Разошлись, продолжили жать, поминутно поглядывая на дорогу: не появились ли полицаи?

– Ба-абы-ы! – вдруг разнесся над полем голос Марфы. – Бабоньки! Бабы! Девки! А мы чего ждём? Пока придут да и жизни лишат?

– Да пропади оно пропадом, жито это! Спасайтесь, бабы-ы! – подхватило ещё несколько голосов, и уже через минуту на ржаном поле не было ни души, только видно было, как мелькают среди кустов женские головы в направлении Вишенок.

– Ой, что было, что было! – увидев мужа, Глаша принялась было рассказывать, но тот перебил её.

– Знаю, знаю, вы вот что, бабоньки, – Ефим огляделся. – Хватайте ребятешек, оповестите всех женщин в деревне да уходите на ту сторону Деснянки в Волчье урочище. А мы уж как-нибудь, – Гринь не стал больше задерживаться, двинулся вдоль улицы по деревне.

...Петр Кондратов, Комаров Василий и Вовка Кольцов натянули верёвку между двух берёз у гати по дороге к Боркам. Натянули так, чтобы конь смог пройти, а вот всадник...

Сами спрятались в кустах, что густо стоят по обе стороны дороги.

Вовка был вооружён винтовкой, которую года три-четыре назад нашёл в доме деда Прокпа Волчкова. Это была та самая винтовка, что когда-то дед вырвал из рук молодого красноармейца в пору крестьянского бунта в Пустошке, куда старик ходил помогать восставшим.

Сейчас главная задача у парней – перехватить нарочного, которого, по всем данным, старший над полицаями Василий Никонорович Ласый должен будет послать к немцам.

Никита Кондратов наказал брать живым полицаю. Лишней крови не надо. Но если уж... Тогда действовать по обстановке.

Привстав в стременах, полицаи что есть силы хлестал кнутом невзрачную, мышастой масти коняшку, всю жизнь не вылезавшую из телеги да плуга. Привыкшая к тяжёлому труду, а не к верховой езде, она отчаянно изображала галоп, по-сиротски подбрасывая задние ноги, трюхала, ёкая лошадиной требухой. А он всё стегал и стегал, устремив взор вдоль дороги.

Падая с лошади, полицаи не успел сообразить, что к чему, как в тот же миг на него набросились молодые здоровые парни. Один из них уже держал в руках его же винтовку, больно тыкал в грудь; другой снимал ремень с пистолетом и подсумком с патронами к винтовке; третий связывал верёвкой за спиной руки.

– Стой, дядя, не дёргайся! – тот, который связывал руки, больно поддал коленкой под зад. – Тут тебе не Агриппина Солодова, понимать должен. Это тебе не с бабами воевать.

– Так куда это ты спешил, мил человек? – с ехидцей спросил Петр, когда пленник уже стоял на ногах со связанными руками. – Иль что не понравилось в Вишенках? Плохо кормили иль как?

– Так это... – с дрожью в голосе начал полицай, – так это... Василий Никонорович, старший над нами, это... в комендатуру до майора Вернера... коменданта.

– Неужели привет передать?

– Так бунт в Вишенках, приказал Ласый доложить майору. За подкреплением, за солдатами отправил. Вы меня стрелять не станете? – жалобно спросил мужчина. – У меня дети, трое, и жёнка. Не стреляйте, прошу вас, – и вдруг заплакал, упал на колени.

– Ты посмотри, – удивился Вовка. – Плачет! А когда мамку мою сапогом в лицо? А братика Никитку под расстрел? Это как?

– Так это ж не я, хлопчики, милые. Это ж Гришка, Григорий Долгов, зять Ласого. Да разве ж я мог женщину? Ребёнка?

Лошадь паслась рядом, пощипывая траву у дороги.

Забрав коня, парни повели полицая в деревню.

А в это время на площади у колхозной конторы стояла толпа, более 20 человек, вооружённых мужиков. Те, кто без оружия, толпились чуть поодаль, но у многих в руках были вилы-тройчатки, косы, увесистые колья. У стены конторы со связанными руками тесной кучкой сгрудились полицай с низко опущенными головами. Их взяли тихо, без скандала, прямо из-за стола.

Они обедали, когда в дом Галины Петрик один за другим ворвались с десятков мужиков, наставив на полицаяев винтовки.

– Ефим Егорович, собери пистолеты, а вы, господа хорошие, снимите ремни с оружием, да и положите на стол, – Никита Кондратов с товарищами не спускали с прицела растерявшихся, разом поникших полицаяев. – И смотрите, в борще пистолетики не загадьте. Это вы можете: хорошее дело испохабить, страдальцы.

Одного полицая не досчитались: по словам старшего, Василия Никоноровича Ласого, тот только что ускакал в комендатуру до коменданта за помощью.

– Ну, что ж. Тем лучше, – эта новость, казалось, совершенно не обескуражила Никиту, хотя Ласый вначале и пытался стращать немцами.

– Побойтесь Бога, мужики, – убеждённо говорил он. – Ещё час-другой, нагрянут немцы, считайте, что деревни Вишенки больше не существует. И вряд ли кто-то из вас сможет выжить. Вы же знаете, что они скоры на расправу, не мне вас учить. Тем более – бунт, открытое неповиновение, угроза жизни законным представителям власти.

– Всё правильно, – не замечая доводов Ласого, промолвил Никита. – Всё правильно мы задумали. Дай Бог парням успеть, да чтоб дорогой правильной поехал.

– Никита Иваныч, Никита Иваныч! – сквозь толпу мужиков пробирался Илья Назаров, подросток лет шестнадцати. – Дядя Никита! Ведут! Взяли хлопцы и последнего!

К конторе подходили Петро с товарищами, вели связанного полицая, Вовка Кольцов ехал верхом на лошади, замыкал шествие.

– Ну вот, и слава Богу! Правда на нашей стороне, знать, и сила тоже, – Никита Кондратов перекрестился, повернул к землякам повеселевшее лицо. – А то! Хотел нас голыми руками взять? Стращать вздумал? Мы – пуганые, господа-товарищи полицайи, понятно вам?

Ещё с полчаса решали, что делать с пленными.

Были разные предложения:

– Этого, что мальчонку, в расход.

– Морду набить для порядка.

– Всех в расход. К стенке, и ваши не пляшут.

– Отвалтузить хорошенько, да отпустить с миром. Чай, христиане.

Выручил приехавший верхом лесничий Корней Гаврилович Кулешов.

– Во-о, дела! – соскочив с седла, подошёл к мужикам, поздоровался почти со всеми за руку. – Хорошо, Семён Попов из Пустошки встретился, рассказал. Так я быстрее к вам. Он тут у кумы был, внуков к себе в Пустошку забирал. Говорит, вы тут ого-го?!

– Вот, Корней Гаврилович, не знаем, что с гостями незваными делать? Может, подскажешь? У тебя голова чистая, в отличие от наших, – Никита Кондратов повёл рукой в сторону обречённо стоящих вдоль стенки конторы полицаев.

– Да-а, дела-а, – снова произнёс лесничий. – А что тут думать? В холодную под арест, а там видно будет. Остынем сами, да и они в чувство придут, мозгой думать станут.

Арестованных увели всё те же Вовка Кольцов и уже вооружившиеся Петро Кондратов с Васькой Комаровым, чтобы поместить в тёмную пристройку за конюшней, без окон, с массивной дверью из плах, где когда-то стоял колхозный жеребец-производитель.

– Да разденьте, – напутствовал лесничий. – Нагие никуда не денутся, а голыми руками плотно подогнанные доски-горбыли не вырвут. Жеребец не мог вырваться на волю, а эти – и подавно. Да, – это уже обратился к Никите Ивановичу, – и кормёжку им не забудьте.

– Вот пускай и дальше Полина Петрик их кормит, – нашёлся сразу Никита. – Она начала, пускай и продолжает.

На этот раз собрались в конторе. Расселись в председательском кабинете, он был чуток больше других, так что всем места хватило. Кому не было стульев, сидели на полу. Собрались самые активные жители. Из молодёжи пригласили Петра Кондратова, Вовку Кольцова и Ваську Комарова. Остальным вооружённым мужикам сказали расходиться по домам, сыскивать женщин да детишек, что спрятались за речкой в Волчьем урочище. Но быть готовым в любую минуту с оружием прибыть к конторе.

На дорогу, что ведёт в Борки и Слободу, отправили Илью Назарова, вооружив его куском рельса, что висел у конторы для оповещения жителей Вишенок о пожаре или общем сходе в прошлые времена.

– Подвесь на сук дуба, что на краю овражка перед гатью. Как учуешь немцев, так сразу молоти по железке что есть мочи шкворнем. А уж мы тут... – наставил парнишку Корней Гаврилович. – Ты у нас теперь на переднем крае, смотри не подведи. Вся надежда на тебя. Но сам потом спасайся быстренько. Не дай боже застукают тебя немцы за таким занятием, сам понимаешь, по головке не погладят. Да и железку сразу на сук закинь, чтобы видно не было, или спрячь в другом месте. Ещё не раз пригодится оповещать народ.

Мужики одобрительно закивали головами:

– Так оно, так. Правильно молвит лесничий.

– Вы немножко поспешили, но всё, что ни делается, – к лучшему, как говорится, – начал Корней Гаврилович Кулешов, когда все расселись. – У нас уже создалось ядро будущего партизанского отряда. Базироваться будет в наших лесах. Серьёзные люди советуют нам в командиры Леонида Михайловича Лосева, сына сапожника из Борков, Михал Михалыча. Вы эту семью должны знать. Правда, ранен он, сейчас идёт на поправку.

– Знаем, – сказал Данила Кольцов, мельком взглянув на Ефима. – Кто ж в округе не знает сапожника? И скажешь ведь, Гаврилыч. А немолод командир-то? Он, кажись, годом старше моего Кузьмы, и вдруг в командиры? Не боязно? Пацан, а над стариками верха держать будет?

– Человек по весне окончил военное пехотное училище. Это вам о чём-то говорит? Мы-то только на арапа брать можем, на испуг, да козью рожу из-за угла корчить. А на войне так не получится. Иль со мной не согласны? Тут военные знания нужны. А мы собираемся воевать не на жизнь с немцами. Иль кто думает, что мы от немца по лесам будем бегать, в прятки играть?

– Оно так, – поддержали мужики. – Говори дальше.

– На днях он появится у нас, – продолжил лесничий. – Врач говорит, левая рука у Леонида Михайловича еле-еле двигается. Ну да ладно. Ему головой придётся воевать, а раненая рука в этом деле не помеха.

Решено начинать с Пустошки и Вишенок, поднимать на народную войну против захватчиков, поскольку ваши деревеньки стоит в лесу, подойти к ним не так уж и просто. Руня тоже

с нами. А Борки, Слобода – наши помощники, опора в делах наших праведных. Скажу лишь то, что можно сказать. Знайте одно, что ни при каких ситуациях Вишенки не останутся в одиночестве. На помощь обязательно придут соседние деревни. Кто будет оповещать, как и кто это будет делать, что узнаете со временем. Да, и вы не должны оставить один на один с бедой ни одну из этих деревенок. Только так, сообща, мы сможем противопоставить себя немецкой военной машине.

Совещались долго: слишком тяжёлая была тема разговора. Работа была привычной, обыденной, такой, какой и должна быть крестьянская работа – уборка урожая. Однако условия изменились в корне. Вот и совещались, искали новые пути, методы, способы. Приноравливались к новым условиям.

– Председателя менять не станем, я так думаю. Назначили полицаи уважаемого нами Никиту Ивановича, так и быть: пусть руководит. Уборку урожая отныне проводить и днём и ночью. То, что отмерит Никита Иванович на полях, убирать в фонд будущего года и для нужд партизан. Этим займутся полеводческая бригада и все женщины деревни. Ефим Егорович и Данила Никитич будут ответственными за создание запасов для партизан.

– Согласен, – выразил общее мнение Никита Кондратов.

– По ночам каждый жнёт для себя, – Корней Гаврилович делал особый упор на это, заостряя внимание жителей Вишенок на то, что надеяться надо только на собственные силы. – Кто сколько сжал, то и его. Но не жадничать: на всю жизнь всё равно не напасёшься, однако надо помнить и о других. И на полях не должно остаться ни картофелины, ни зёрнышка. Молотить придётся цепами на токах, молотить на жерновах. Для себя, для семьи уж кто, как и где умудрится. Важно, чтобы было чего молотить, молотить. Крупорушки, слава богу, не выбросили за колхозную жизнь, вот и пригодятся сейчас. Несколько крупорушек на деревню хватит. Старикам и немощным – из общих запасов. За это дело отвечать будет Володька Комаров. Он – человек совестливый, правильный. Не должен кого-то забыть, обделить. Кого-кого, а стариков и больных обижать не след, не по-христиански это. Не принято плохо относиться к старикам в Вишенках.

– С хранением урожая всё меняется: амбары отпадают сами по себе. Зачем же для врага собирать зерно в складах? Приедет, антихрист, да и вывезет спокойно. Тоже и с картошкой. Прятать! Только так и никак иначе! – дополнил выступление лесничего Никита Иванович Кондратов.

– Правильно. Хранить урожай для нужд будущего года там, где укажет Никита Иванович. Понятно, что трудно, но как иначе? Не сегодня-завтра немцы спохватятся, опомнятся. Что тогда? Так что на раскачку времени нет совершенно, дорога каждая минута. Привлекать к работе и старого и малого. Освобождаются только не ходячие да немощные. Сами должны понимать, что, кроме нас, никто нам не заготовит продовольствие, не обеспечит. И лавка коопторговская не приедет в деревню. Что сами заготовим, с тем и жить станем, то и есть-кушать будем.

Ещё долго Корней Гаврилович рассказывал, объяснял, стараясь не упустить чего, не забыть. И напомнил в очередной раз, что немцы не простят такой самостоятельности местного населения на оккупированной земле, сделают всё, чтобы уничтожить такие проявления на корню.

Но и на этот случай надо принимать самые срочные меры, организовывать отряд самообороны. Что да как – об этом уже скажет и организует сам товарищ командир Леонид Михайлович Лосев.

– Да, пока не забыл, – уже перед самым концом совещания поведал Корней Гаврилович. – Все помнят Макара Егоровича Щербича?

– Да, конечно, – загудели мужики. – Хороший был человек, грех плохое сказать.

– Так что там о Щербиче, Гаврилыч?

– Ну, так вот, – продолжил Кулешов. – Полицаем в Борках его внук Антон! Староста деревни. Каково?! Добровольно прошёл служить немцам! И это внук такого уважаемого в округе человека?!

– В батю пошёл, в Степана, – сразу нашёлся Данила Кольцов. – Тот-то вечно недовольным был, лодырь да пьяница. Зато гонору, гонору! Грудку-то свою выставит, ходит кочетом по округе. Тьфу! На деревню хватило бы гонору, что он один имел. Над всеми быть хотелось, повелевать чтоб, да шапки гнули перед ним. Уродилась уродина...

– Вот же сволочь, – добавил Ефим Гринь. – Только имя доброго человека, дедушки своего, портит. Кто бы мог подумать, что у такого человека, как Макар Егорович Щербич, будет такой внук? И мамка его вроде наша женщина: простая, работающая, а вот, поди ж ты, сынок какой?! Может, оно и хорошо, что старик не ведаёт про внука? Я представляю, какой это был бы удар по дедушке. Он пережил почти спокойно, когда землю, имущество отдал советской власти добровольно. А предательство внука вряд ли пережил бы. Он ведь патриотом был, да ещё каким. Любил Россию, чего уж.

– Уже нагадил, ай нет? – спросил Аким Козлов. – Если нагадил, напаскудил, тогда сразу к стенке, чтобы другим неповадно было. Вишь что удумал: к немцам идти в услужение? Против своих? Где это видано?

– Пока нет, не нагадил, но работу провести следует, – поддержал Корней Гаврилович. – Вдруг бес попутал? С пути праведного парнишка сбился, а направить некому, тогда что? Понимать надо, что без мужской руки рос мальчонка, некому было на путь истинный ремнём наставить, вот и... Шашкой махать, Аким Макарыч, не с руки нам. Всё ж таки хоть и сволочной парнишка, да наш, итить его в коромысло. Многие сейчас с пути сбились. Вот на полицаев посмотри. А ведь вчера ещё были нашими людьми, за одним столом с нами сидели. Война это, война виновата. Тут взрослые, зрелые мужики, а там пацан, мальчонка сопливый.

– Да уж... сопливый мальчонка... Да ему кажись, двадцать два годочка, – заметил Володька Комаров. – Если память не изменяет, они с Лёнькой Лосевым ровня. Или я ошибаюсь?

– Да. Правду говоришь, – подтвердил Кулешов. – Соседи это мои, на моих глазах росли, так что... А побеседовать стоит. Сбился с пути парнишка, наставить на путь истинный надо бы. Может, ещё и не поздно, пока не испортился совсем.

– Не скажи, не скажи, Корней Гаврилович, – не согласился Данила. – Вот тебя не испортила, меня, их, – обвёл рукой сидящих в вокруг мужиков. – Если сволочь, то он и есть сволочь. Только война или другая тяжкая година их быстрее выявляет. Сразу заметно, кто чем дышит, от кого какой дух идёт. Иной раз такая вонь распространяется, что дыхание перехватывает, на гада глядя. Так что... Зря ты так, Гаврилыч, зря. Прав Аким Макарыч: поотрубить надо руки по локти сразу, чтобы потом не каяться, что позволили гаду гадом быть, сволочью.

– Зря или не зря – это время покажет, – не сдавался лесничий. – А провести беседу, направить на путь истинный никогда не поздно. Что я и обязуюсь сделать.

– Ну-у, тебе виднее, – Данила не мог оставить последнее слово за Корнеем. – Ты ж в соседях с ним жил, что я могу сказать. А старика Щербича Макара Егоровича жаль.

– Ну, с богом! – благословил напоследок Корней Гаврилович перед тем, как разойтись. – Верю, что всё у нас получится.

Ефим Гринь сходил в колхозные гаражи, принёс и повесил опять к конторе кусок рельса для била. Точно такой же кусок повесили вдаль от деревни у дороги, что вела к Пустошке, выставили часовых. Они должны оповещать о появлении немцев.

Ближе к вечеру всю информацию довели до жителей Вишенок. Обязали в приказном порядке всем женщинам, старикам и детям, услышав звон била, незамедлительно уходить за Деснянку в Волчье урочище и там отсиживаться, пока не позовут. Да приказали язык за зубами держать.

А пока суд да дело, Никита Иванович отправил туда, в Волчье урочище, группу мужиков с топорами, другими инструментами, готовить семейный лагерь пока только в виде нескольких больших, сухих и тёплых шалашей, а потом и подумают о землянках. Но это уже ближе к зиме, если раньше Красная армия не сломит шею Гитлеру, да и погонит к чёртовой матери этих немцев.

Старшим в лесу назначили Акима Козлова.

– Ты, Аким Макарыч, сам можешь и не строить, так как обезноженный ещё с той германской войны, пострадавший чуток раньше от немца, но уж контроль над строителями за тобой, – наставлял его Никита Кондратов. – Ты у нас мужик хозяйственный.

С этого дня сельчане принялись осваивать новый вид деятельности если не с энтузиазмом, то уж и не с участием обречённых: раз надо, значит – надо! Будут делать! Кто же за них возьмётся, кто же вместо них сделает? Только они, только сами. И делали это на совесть, доброту. По другому-то не могли и не умели. Не приучены по-другому.

Надеялись, свято верили, что оторванная и в лучшие годы от мира, затерявшаяся среди лесов и болот деревенька Вишенки выстоит в это лихолетье.

С тем и жила она, и жили они – её жители, веря в Бога, в себя, друг в друга и в свою страну.

Глава четвёртая

Отец Василий долго восстанавливал здоровье после тюрьмы, а вот сейчас, в начале войны, чувствовал себя если не так, как до ареста, то уж, во всяком случае, неплохо. Правда, перед дождём крутило в суставах, но там и раньше крутило. Да в грудной клетке нет-нет заколет, зарежет, прямо неважко. Однако проходит, долго не задерживается боль, хотя тяжесть от неё остаётся, почти постоянно присутствует в теле. А так, слава Богу. Матушка Евфросиния выходила, травками, отварами, любовью да лаской подняла тогда на ноги мужа. И ещё доктор Павел Петрович Дрогунов не оставлял без внимания деревенского священника. Вот уж кто, по мнению батюшки, заслуживает самых высших похвал за преданность своему делу, за уважительное отношение к человеку, за величайшее мастерство и профессионализм, так это потомственный лекарь, потомок земских врачей Павел Петрович Дрогунов.

Потихоньку приход оживал, возобновились богослужения, и прихожане стали чаще посещать церковь.

Батюшка закончил службу, направился домой. На выходе остановился, осенил крестным знаменем храм, глянул на шоссе, тяжело вздохнул. А тяжело вздыхать были причины, более чем веские.

Как и вчера, и позавчера всё идёт и идёт немецкая техника в направлении Москвы. Идут танки, тягачи тащат пушки, едет в открытых машинах пехота.

Иногда машины останавливаются, берут воду в колодце, что у дороги. Тогда солдаты резвятся, обливаются водой, играют в мячик на обочине, на лужайке, что между дорогой и церковью.

Несколько раз подходили и к нему, отцу Василию, просили сфотографироваться вместе на фоне храма.

– В аду вам гореть, в гиене огненной мучения принимать, – ворчал тогда батюшка, отказываясь от приглашения. – Ещё чего не хватало: я и вороги мои на фоне церковки, святого храма Христова?! Нет уж, дудки, антихристы! Прости, Господи, за упоминание дьявольского отродия в Твоих стенах. А вот на вашей могиле с превеликим удовольствием сфотографируюсь! Из гроба восстану, если что, но воистину возрадуюсь вашей кончине! Сам картину напишу, намалюю маслом вашу погибель на огромном холсте, развешу в церковке и буду ежедневно любоваться!

– Ты на кого, отец родной, бранишься? – матушка Евфросиния встретила батюшку у калитки, стояла, скрестив руки на груди.

– А ты как думаешь, матушка моя? – лукавые огоньки зажглись в поблекших глазах священника.

– Небось, кончину антихристам предрёк? – улыбнулась и старушка.

– Вот за что я тебя любил и люблю всю жизнь, Фросьюшка, – загудел польщённый батюшка, – так это за твоё умение думать, как я. И как это тебе удаётся, радость моя?

– Вот уж невидаль, – отмахнулась матушка. – Сколько мы с тобой живём? Да за это время нехотя, даже без любви, изучишь вдруг дружку. А уж если с любовью, с уважением относиться, так и думать будешь, как любимый человек, даже дышать, как он станешь.

– Спасибо тебе, Фросьюшка, – священник наклонился, прижал к себе маленькое, худенькое тело жены, поцеловал в платок, в темя. – Спасибо, – почти выдохнул из себя, настолько умильно и елеем на душу прозвучали слова матушки.

Старушка засеменила рядом с высоким отцом Василием, в очередной раз безнадежно пытаясь подстроиться под его широкий шаг.

– Вот так всю жизнь спешишь и спешишь, батюшка, – незлобиво ворчала на мужа. – Не угнаться за тобой, отец родной.

– Подрасти! – шутил по привычке священник, положив на плечи любимой женщины огромную ручищу. – Подрасти и уравнишься.

После обеда батюшка прилёг отдохнуть.

Матушка тихонько убрала со стола, вышла, прикрыв дверь.

...За отцом Василием немцы приехали на мотоцикле.

Грубо подняли, усадили в коляску. Отвезли к бывшей средней школе

Встретил его высокий, стройный светловолосый офицер.

– Майор Вернер Карл Каспарович. Военный комендант, – представился он на чистейшем русском языке.

Вышел навстречу батюшке, взял под локоть, повёл в кабинет.

– Не удивляйтесь, святой отец. Всё достаточно просто, – приветливая улыбка застыла на лице офицера. – Я родился и вырос в Санкт-Петербурге, так что...

– А помимо русского языка там не учили вежливости? – отец Василий ещё не мог прийти в себя после столь бесцеремонного обращения солдат с собой. – Я тоже имел честь учиться в этом святом граде. Воспитанные люди уважают стариков и в России, и в Германии, не так ли?

– Простите! Что поделаешь? Победители ведут себя чуть-чуть не так, как побеждённые. Чуть-чуть иначе. Или вы со мной не согласны? Тем более – солдаты. Что с них возьмёшь? Знаете ли, победный дух пьянит, вы не находите?

– Вы о каком победителе, милейший, ведёте речь? Кто здесь победитель? – не сдержался, несколько в грубоватой форме переспросил священник.

– О-о! А вы, батюшка, смелый человек. Правда, на вашем месте я бы не стал делать столь опрометчивые заявления.

Комендант встал, прошёлся по кабинету, остановился у открытого окна.

По улице два солдата вели корову; проехал мотоцикл; где-то прогремел сильный взрыв, эхом отозвался в пустых стенах бывшей школы, замер, растворился в летнем мареве.

Отец Василий продолжал сидеть, внимательно наблюдая за хозяином кабинета. Начищенные до зеркального блеска сапоги майора поскрипывали при каждом шаге, впечатывали каждое слово в сознание гостя, возведя их в ранг истины в последней инстанции.

– Вы – очень смелый человек, как я погляжу. Но это не даёт вам права даже опосредованно сомневаться в нашей победе, в победе великой Германии. Вас могут неправильно понять. Вам не страшно? – майор повернулся к гостю. Взгляд его голубых, с холодным блеском глаз, застыли на лице священника. Офицер стоял, слегка покачиваясь на носках.

Батюшка поёжился, но взгляда не отвёл, продолжая спокойно сидеть, даже для пущей вольности закинул ногу за ногу.

– Не страшно? – напомнил комендант.

– Боюсь ли, спрашиваете, – переспросил майора. – Конечно, боюсь. Всё-таки не в гости вы пожаловали, а с войной. А война никогда ни несла на своих штыках рая, благоденствия. Война сеет смерть. Вот поэтому страх присутствует. Чего уж кривить душой. А чего сомневаюсь? Что остаётся мне в моём возрасте? Сомнения всегда должны присутствовать у здравомыслящего человека. А по поводу сегодняшней ситуации есть мудрая немецкая поговорка, надеюсь, вы её знаете: «Von einem Streiche fällt keine Eiche».

– Вот как? От одного удара дуб не валится? Откуда такие познания в моём родном языке? И, главное, какое чистое произношение!

– Вы мне льстите за произношение, но я немножко знаю немецкий язык, постигал его в молодости с великим удовольствием. У меня были в друзьях ваши соотечественники, так что... – отец Василий видел, как был поражён майор его немецким. – И потом. Я получал образование в Питере. Это о чём-то да говорит.

– Ну-у, русское духовенство всегда было на высоте в плане образования.

– Кстати, Каспар Рудольфович Вернер вам не знаком? Это случайно не ваш родственник?

– А что такое? – напрягся сразу комендант, почти подскочил к гостю, наклонился над ним.

– Вы не ответили на мой вопрос, – батюшка продолжал хранить завидное спокойствие.

– А кем работал ваш Каспар Рудольфович Вернер? – вопросом на вопрос парировал майор, взял стул, сел рядом с отцом Василием. – Да, моего папу звали Каспар Рудольфович.

– Мой хороший товарищ Каспар Рудольфович Вернер был меценатом: оказывал посильную помощь военному госпиталю в Санкт-Петербурге, в котором я залечивал раны после японской кампании. Часто приходил в палаты к раненым лично. Вот там мы с ним и познакомились, а потом и подружились. Он работал где-то в торговле, поставлял мельничное оборудование в Россию из-за границы, – священник замолчал, сложив руки на груди, смотрел на хозяина кабинета.

– Та-а-ак, это уже интересно, – комендант ещё ближе подвинул стул, откинулся на спинку, улыбнулся. – А дальше что?

– Дальше? Меня выписали из госпиталя, мы с матушкой ещё немного пожили в столице, а потом уехали из Санкт-Петербурга, и наши дороги разошлись. До октября 1917 года ещё поддерживали отношения через письма, а потом перестала работать почта, началась смута на Руси, и мы потеряли связь друг с другом, хотя я потом несколько писем отправлял по старому адресу. Но, – батюшка развёл руками, – ответа так и не получил.

Майор подскочил со стула, возбуждённо забегал по кабинету.

– Земля, действительно, круглая и такая маленькая, что я прямо не знаю. Это мой отец! Стоило прибыть в Богом забытую деревню Слободу, чтобы узнать такие подробности из биографии моего родителя. Вот уж никогда бы не подумал... Да-а-а, дела-а-а! Всё-таки удивительная штука жизнь! Как всё переплетено, завязано. А я и не знал, что мой покойный отец был меценатом. Хотя в разговорах с матушкой они частенько обсуждали такие темы. Но чтобы доходило до дел? Нет, меня в известие не ставили. Видно, по моей тогдашней молодости. Да-а-а. Как всё загадочно.

– Как? Он умер?

– Умер, умер папа, – майор склонил голову. – Уже в Германии умер в двадцать шестом году. Только год и смог пожить на исторической Родине.

– Царствие небесное рабу божьему Каспару, – скорбно произнёс батюшка, сотворив крестное знамение. – Пусть земля ему будет пухом. Изумительной души человек был. Истинно русский немец, патриот России до мозга костей, я вам скажу. Русский по духу. Скорблю. Редко встретишь человека с такой открытой, доброй душой.

В кабинете воцарилась тишина. Налетевший вдруг шквалистый ветер хлопнул створкой окна, закрыл её, отгородив мужчин от мира за окном школьного кабинета.

Гость продолжал сидеть, Вернер всё ещё расхаживал, поскрипывая сапогами.

И вдруг резко сменил тему, тон в разговоре коменданта стал твёрдым, начальственным.

– Почему вас не расстреляли в тюрьме большевики? Пошли на сотрудничество с ними? Стали агентом НКВД? – перед священником снова был напористый, жёсткий комендант деревни Слобода.

– Хм, – настало время удивляться и гостю. – Архивы НКВД не успели вывезти, и они достались вам?

– Допустим.

– Не знаю. Как арестовали, так и выпустили. И если вы обладаете архивами местного НКВД, так вам и карты в руки. Я думаю, что отпустили умирать. Но, слава богу, выжил, благодаря неустанной заботе жены моей матушки Евфросинии, да доктора нашего Павла Петровича.

– Ну, что ж. Это в практике большевиков. Это их стиль. Как относитесь к оккупационной власти? – хозяин кабинета напористо продолжал допрашивать гостя.

И опять пронизывающий, холодный взгляд застыл на лице священника.

– Я признателен за возможность совершать богослужение во вверенном мне храме, – со смирением в голосе ответил гость, склонив голову в благодарном поклоне.

– Надеюсь, вам не стоит напоминать, что вся власть от Бога? Немецкое командование с пониманием и лояльно относится к вероисповеданию на оккупированных территориях. Полагаю, сей факт доброй воли вы по достоинству оцените в своих проповедях, доведёте до паствы? В отличие от большевиков, от Советов, Германия в конфессиональной политике придерживается свободы религий. Прихожане должны знать это.

– Благодарю вас, господин майор, – батюшка уже понимал, что его приглашение к коменданту носит вполне прагматичный характер.

Немецкое командование пытается через церковь, через священников добиться большей лояльности местного населения к себе, к оккупационной власти. Ну, что ж. Надо ответить так, чтобы у майора не осталось сомнений.

– Добродетель всегда останется добродетелью, и коль она есть, то она не нуждается в дополнительных усилиях быть замеченной, по достоинству оценённой прихожанами. Добро, как и слова Божьи, всегда найдёт дорогу к свету и войдёт в души людей беспрепятственно.

Майор остановился у окна, покачивался с носка на пятки, заложив руки за спину.

Где-то опять прогремел взрыв, отзвук которого ещё раз подчёркнул, что не всё так спокойно за стенами бывшей средней школы.

– Реалии таковы, что мы живём в военное время, – в подтверждение взрыва начал комендант, повернувшись лицом к гостю.

Батюшка тоже встал, не сводил взгляд с мерно расхаживающего хозяина кабинета.

– Только из уважения к вам, отец Василий, напоминаю, что всякие контакты, всякая помощь красноармейцам, комиссарам, евреям запрещена. Вы знаете об этом?

– Да, знаю.

– Надеюсь, знаете, чем грозят последствия непослушания, неисполнения приказов немецкого командования?

– Да, знаю. Расстрел.

– Вот и хорошо. Тем лучше, что всё знаете. Верю, что вы – человек благоразумный и мы с вами подружимся.

– Да, господин майор. Истинная вера только укрепляет души людей.

– Не смею больше вас задерживать, – комендант проводил гостя до дверей. – И всё-таки, батюшка, настоятельно рекомендую верить в могущество Германии, – уже стоя на крыльчке, не преминул напомнить майор.

Священник не ответил, лишь неопределённо пожал плечами.

Матушка встретила отца Василия у колодца, что напротив церкви, у дороги. На её лице отображалось одновременно и ожидание, и радость встречи, и большая тайна, что выпирала наружу.

– Отец родной! Тебя не пытали?

– Что-то ты, матушка, как будто пуд злата нашла, настолько таинственен вид твой, – батюшка не ответил на вопрос женщины, а обнял жену, прижал на мгновение, балагурил, глядя на загадочную матушку.

– Так тебя не пытали? – снова спросила, заглядывая в глаза, пытаюсь по ним понять истинное состояние мужа.

– Хамы, возомнившие из себя победителей, душа моя, вот и все твои страхи, – успокоил отец Василий. – Но что у тебя случилось, открой тайну, радость моя?

– Пойдём в дом, отец родной, там всё поведаю. Как на духу, – заговорчески зашептала матушка, увлекая за собой батюшку.

И уже в доме под большим секретом принялась рассказывать, поминутно оглядываясь на окна, за которыми группа немецких солдат обливались водой из колодца.

– Сразу после того, как тебя увезли антихристы, прости господи, за забором у колхозного сада обнаружила раненых красноармейцев. Тебя ждала, не спрятала, и помощи не оказала, они там маются, тоже ждут.

Заросли полыни, чернобыла и репейника скрывали трёх человек: двоих мужчин в форме красноармейцев, и молодую, лет двадцати, девушку в солдатской гимнастёрке и тёмной юбке, в больших и широких, не по размеру сапогах.

Один из мужчин находился, по-видимому, в тяжёлом состоянии, так как голова и рука в предплечье были замотаны грязными тряпками, бывшими когда-то бинтами. Второй – молодой, смуглый, с лицом азиатского типа – смотрел на священника с интересом и некоторой долей опаски. Автомат из рук не выпустил, а, напротив, держал его наизготовку, будто готовый вот-вот выстрелить.

– Кто вы? – отец Василий наклонился через забор, внимательно рассматривая незнакомец. Лёгкое волнение всё же нахлынуло, помешало сохранить полное спокойствие. – Впрочем, что я спрашиваю. Какая нужда привела вас сюда? Вот, опять что-то не то говорю. Чем могу служить, дети мои?

– Помогите, батюшка, – девушка привстала на колени, ухватила руками за плетень. – Помогите, из-под Минска идём, товарищ политрук ранен, идти не может. Азат от самой Березины на себе тащит уже который день, – и указала рукой на смуглого юношу.

Священник ещё мгновение смотрел на неожиданных гостей, потом повернулся, отыскал глазами немецких солдат. Те строились у машин, стоящих с работающими моторами.

«Уезжают, – мелькнуло в сознании. – Значит, это знак Божий. Так тому и быть».

– Проследи, дочка, за мной: я пойду к пристройке, что за храмом со стороны сада, открою, а вы потихоньку перебирайтесь туда после того, как уедут солдаты.

Эта пристройка сохранилась с момента строительства самой церкви. Видно, строители использовали её и под жильё, и под склад. Сложенная в крест из леса-кругляка, она готова была простоять ещё столько же.

Отец Василий, по сути, и не пользовался ею: иногда ставил инвентарь, складывал ненужный хлам. А в основном здесь играли в свои игры сначала дети священника, а потом и внуки. Крыша, правда, прохудилась в некоторых местах, всё не доходили руки заменить кое-где сгнившую дранку. Откладывал на потом. А теперь какая крыша?

«Вот, господин майор, и вступили мы с тобой в противоречия, – священник грустно усмехнулся в бороду, открыл дверь в пристройку. – Как это грамотно и чётко расписали вы права и обязанности мои там, у себя в германских штабах. Всё хорошо и по-немецки правильно у вас спланировано. Но вы забыли одно, упустили главное, господин комендант. Да, упустили, не учли, и в этом ваша главная ошибка. Русский человек не мыслит себе веру во Христа без веры и любви к Родине. Это у нас едино, неотделимо, а вы пытаетесь поставить нас по разные стороны. Не бывать этому, нет, не бывать. Значит, не долог ваш визит на нашу землю, нет, не долог», – батюшка спорил с воображаемым собеседником, а руки продолжали разбирать хлам, сооружать что-то на подобие то ли кровати, то ли нар.

Убедившись, что это у него получился дощатый настил, вполне пригодный для временного проживания, полюбовался на свою работу, вышел во двор. Машины с немцами ещё не уехали, но вот-вот должны были начать движения. Кинул взгляд туда, где оставил красноармейцев: не заметил ни единого движения.

«Добро. Видно, народ приучен к опасности, – промелькнуло в сознании. – Ну и ладно. Так о чём же это я? Ах, да. Ошибаетесь вы, господа хорошие. Неотделимы мы, не-от-де-лимы! Как это вы мыслите? Вот сейчас я возьму и брошу свою паству один на один с вами? Дудки! Вот, видели? – батюшка сунул куда-то в пространство огромный кукиш. – Вот вам, захлебнётесь собственной злобой, антихристы! Прости, Господи, мя грешного, – отец Василий перекрестился. – Не к месту будет упомянуто дьявольское отродье».

Служил он тогда полковым священником в Восточном отряде генерала Засулича под Тюренченом вблизи китайско-корейской границы на реке Ялу, что была хорошим препятствием японским войскам на пути в Южную Маньчжурию.

Отец Василий прикрыл глаза, сложив руки на животе, ждал отъезда немцев, вспоминал.

В тот день он был в роте своего товарища по службе капитана Некрасова. Сидели в блиндаже, пили чай, когда японцы пошли в атаку. Правда, перед атакой целый час обстреливали позиции роты из артиллерийских орудий и лишь потом начали переправу.

Сновали вестовые, денщик еле успевал докладывать о прибытии очередного гонца с переднего края.

– Вы бы, батюшка, ушли отсюда по добру, по здорову, – ротный то и дело выходил из блиндажа, следил лично за быстро меняющейся обстановкой. – Не ровен час: уж слишком заметная мишень вы для япошек.

– Побойтесь Бога, господин капитан! Это где видано, чтобы русский священник показывал спину врагу?

– Ну, воля ваша, батюшка. Моё дело предупредить.

Отец Василий хорошо помнит, как умирал от ран у него на руках капитан Некрасов Вениамин Владимирович. А чем мог помочь полковой священник своему умирающему другу?

И тут прорвали японцы оборону на левом фланге роты.

Вот тогда-то и встал из окопа отец Василий, в миру – Старостин Василий сын Петра, полковой священник.

По сану иметь оружие не положено. Расставив руки и воздев к небу крест, заорал, перебив шум боя, как никогда ещё не кричал двадцатилетний здоровяк:

– Братцы-ы! Не посрамям земли русской! Изгоним басурманов! Дави косорылых! – и пошёл, не оглядываясь, на врага.

Знал, чувствовал, как за спиной выростала стена из русских солдат, и шёл бесстрашно на японские штыки. В пылу рукопашной кого-то гвоздил кулаком, кого-то – хватал за горло.

Видел, хорошо видел и запомнил на всю жизнь, как вокруг него образовалось кольцо солдатское, как бились, пластались русские солдаты, оберегая от вражеского штыка безоружного полкового священника отца Василия. А он и не прятался, а, напротив, вёл их за собой, кулаком с зажатым в нём крестом прокладывал дорогу. И сбросили тогда япошек в реку, сбросили.

Да, Бог миловал в той атаке. Живым, невредимым вернулся в окопы отец Василий в изодранной, политой кровью ризе. А спустя минуту осколок от японского снаряда нашёл-таки полкового священника уже среди своих, в разрушенном ротном блиндаже, где лежало тело его друга Вениамина Владимировича Некрасова.

Опомнился, пришёл в себя уже на санитарной повозке.

Затем были санитарные вагоны через всю страну, военные госпиталя, врачебная комиссия уже в Санкт-Петербурге, которая запретила отцу Василию занимать духовную должность в воинских частях. Золотым крестом на Георгиевской ленте наградили его тоже в госпитале. Из царских рук принимал награду.

А потом были и этот приход, и эта церковка.

«И вы хотите после всего этого моей лояльности к вам, супостатам и агрессорам? Дудки! Хотите, что бы я забыл духовное и кровное родство, что связывает воедино весь народ на земле нашей? Вот вам, антихристы, вот вам!» – и ещё раз ткнул кукишем в сторону отъезжающих немецких машин.

...Раввин Авшалом Левин не столько исполнял обязанности раввина, сколько работал портным. Как он помнит из рассказов своего дедушки старого Гэршона Левина, все их предки только и занимались тем, что шили и не выезжали дальше местечка Червень Могилевской губернии, если бы не война.

Правда, уже старшие сын Давид и дочь Дина не стали больше слушаться отца и мать, уехали в Ленинград. Родители остались в местечке вместе с младшими Ривкой и Мишей, а тут война.

Чудом удалось избежать расстрела отцу и детям, а вот жене не повезло: попала под облаву и не смогла убежать. Осталась там, где и многие другие евреи, во рву за околицей.

Кое-как добрались по лесам до брата Рафаэля, что жил в Бобруйске. Не успели прийти в себя, как по городу пронёсся слух, что евреев будут сгонять в какие-то особо охраняемые районы.

Пришлось срочно хватать детей и бежать через Березину в сторону России. А что делать? Авшалом очень хорошо знает, чем заканчивается для евреев особая забота немцев.

И вот уже который день пробираются втроём по лесам, обходят населённые пункты. Спасибо, в садах и огородах, на брошенных колхозных полях уже есть чем поживиться.

Одежда и обувь поизносились, но это ещё можно терпеть. Страшно другое: Миша и Ривка заболели. Сначала была как будто дизентерия, а потом всё хуже и хуже. Поднялась температура, исходят кровью, а их отец ничего не может поделать. Вот что страшно, когда отец не может помочь детям.

Сыну тринадцать, а дочери – одиннадцать лет. Уже взрослые ребяташки, но для отца они дети. А как они смотрят ему в глаза? Нет, лучше не думать об этом. И он тоже не может смотреть им в глаза. Там отчаяние, боль и такие страдания, что и врагу не пожелаешь.

Последнюю ночь Ривка бредила, теряла сознание. Миша ещё крепился, но надолго ли это?

Пытался обратиться за помощью в какой-то деревне, так жители отмахнулись, как от чумы. Их можно понять: все окрестности усеяны листовками с призывами не укрывать евреев и коммунистов. За укрывательство – смерть. Что думают эти немцы? Неужели бедный раввин Авшалом Левин так опасен Германии? А тем более его дети? Но он никогда не был ни в одной партии и даже никогда не брал в руки красный флаг, не говоря уже об оружии. Он шил. Хорошо ли, плохо ли, но он шил, как и шил весь род Левиных. Ходить митинговать – это не в семейных традициях. Тем более угрожать Германии. Слава Богу, если никто не угрожает бедному еврею, и он уже счастлив этим.

Однако где-то в Германии посчитали бедных евреев врагами. Это так, хотя и не так. Если бы не было так, то зачем тогда немцы расстреливают евреев? Другого объяснения он не находит. Но разве от этого становится легче, и можно воскресить его жену Софу? Конечно, нет. Значит, надо спасаться. И спасаться надо в России. Об этом ещё в детстве говорил ему дедушка Гэршом. Он говорил, что Россия большая, а евреи такие маленькие, что они могут свободно спрятаться в такой огромной стране, и их никто не заметит. Там они будут спокойно жить и не причинят никому неудобств, а тем более – вреда.

Бог с ним, с дедушкой Гэршомом. Он лет пять назад ушёл к праотцам, и ему уже никто не угрожает. Но его внук знает, что теперь нельзя прятаться там, где есть эти проклятые немцы. А они, кажется, есть везде. Сейчас вся надежда на Россию: именно она должна остановить эту взбесившуюся Германию. Вон, вся Европа не смела даже пикнуть, когда Гитлер замахнулся на неё. А Россия не такая, она обязательно сломает позвоночник немцам, не пустит к себе вглубь страны, а потом и обязательно погонит их обратно. Так что направление Авшалом Левин держит правильно – на Россию. Тем более, он уже давно, как себя помнит, жил среди русских, и они никогда не причиняли вреда ни ему, ни его детям. А это чего-то да значит для бедного еврея.

Вот об этом и рассказывал раввин угрюмому русскому священнику с седой бородой, с такими же седыми бровями и с большими сильными руками, что сцеплены на животе поверх рясы.

Около часа Авшалом лежал в саду под густой яблоней, решал: стоит или не стоит обращаться за помощью к русскому священнику? Церковь он увидел ещё издалека, и ноги сами вынесли его к храму.

Какое-то мгновение раввин сомневался, потом глянул на больных, измученных сына и дочь, и все сомнения отпали, испарились.

– Детей оставил в саду, Ривка уже не может ходить, а Миша самое большое, что может, так это сидеть около сестры, сторожить. Хотя какой из него сторож? – Левкин махнул рукой, ещё ниже опустил голову.

Отец Василий сидел по ту сторону плетня, прижавшись спиной к столбику, думал, решал трудную для себя задачу, спорил с воображаемым собеседником. Заросший, оборванный раввин Авшалом присел перед ним на корточках, черкал на земле прутиком.

Молчали.

«Только что ушёл доктор Дрогунов, лечил раненого политрука. Жаль. Надо бы ему посмотреть детишек. Судя по словам этого растерянного еврея, жить им осталось не так уж и много. А доктор придёт только завтра. Жаль. Но есть матушка. Она в этих делах дока. Как-никак – сестра милосердия.

Вот, господин комендант, как в жизни-то устроено. И красноармейцы, а теперь и евреи. Выходит-то всё по-нашему: спасаемся вместе, приходим на помощь друг другу. Не к тебе, господин майор, они пришли, а ко мне, к православному священнику, за защитой и за помощью. А ты говоришь – не помогать. Это, может, по-вашему, по-немецки. У нас так не принято. У нас по-христиански всё, вот так-то, господин немец!».

– Детишки далеко? – батюшка очнулся, уставился в замолчавшего раввина. – Сам принесёшь или мне помочь?

– Двоих не смогу, у самого уже сил нет. Мне бы помочь, – дрогнувший голос, поникший вид мужчины говорили сами за себя: тощий, с болезненного цвета лицом, он тоже нуждался в помощи.

– Ну, что ж, пошли, – священник поднялся, по-старчески покряхтел, перед тем как сделать первый шаг. – Веди, добрый человек.

Впереди шёл отец Василий с мальчишкой на руках, за ним, еле поспевая, семенил раввин Левин с дочерью, которую перекинул через плечо как куль.

Детей поселил за печкой в доме, отдал полностью на попечение матушки Евфросинии, а мужчине нашёл место с красноармейцами в пристройке.

– Поживи пока здесь, а за ребятишек не беспокойся. Матушка своих вырастила, ни разу к доктору не обращалась. Выходит и твоих. Дети – они и есть дети.

Всю ночь матушка кипятила воду, купала детей в ночевах, делала отвар из коры дуба, пила по капельке, давала другие отвары. К утру им стало легче, уснули.

Вшивую, рваную, грязную одежду сожгла в печи, подобрала оставшуюся от внуков, пересмотрела, подготовила, положила у изголовий.

Отец Василий ворочался на своей половине, не спал. Несколько раз вставал, заглядывал к жене, интересовался.

– Ну, как они, горемычные?

– Слава Богу, отец, слава Богу. Уснули, сон крепкий. А это первый признак, что идут детки на поправку, отец. Слава Богу.

На рассвете всё же сморило, и спал хорошо, без сновидений.

Матушка уже собрала завтрак, отнесла в пристройку, накормила квартирантов, сменила повязку раненому политруку. Приготовила для него одной ей ведомый отвар, напоила.

Сейчас опять колдовала над детишками, когда батюшка проснулся.

– Зайди ко мне, матушка, – он умылся, причесался, облачился в подризник, потом и в ризу, а сейчас сидел за столом.

– Бегу, отец, бегу, – жена выставила на стол завтрак, присела напротив, подперев голову руками.

– Вот что, матушка. Душа моя не на месте.

– Что случилось, батюшка?

– Хотел, было, не говорить тебе, но не могу брать грех на душу. Скажу, а ты уж, матушка, сама решай, рассуди.

– Не томи, отец родной, не томи, – женщина разволновалась, то и дело поправляла платок, с нетерпением уставилась на мужа. – Что есть – то есть, что будет – то будет. На всё воля Божья, говори, я выдержу.

– Я знаю, матушка, что ты женщина крепкая, потому и скажу, – отец Василий отхлебнул чая, облокотился на стол. – Помнишь, на днях меня приглашал комендант?

– Да, батюшка.

– Так вот. За то, что мы помогаем больным красноармейцам, еврейским деткам, лечим, укрываем их, мне, по крайней мере, грозит смерть. Расстрел. А если узнают, что и ты причастна к этому, то и тебе тоже. Немцы – народ серьёзный и страшный, матушка. Они шутить не будут. Вот об этом и предупредил меня немецкий комендант майор Вернер Карл Каспарович.

– Ой! – в испуге старушка зажала рот руками. – Неужто благие деяния наказуемы? Ты не ошибся, отец родной?

Отец Василий встал, прошёлся по хате, матушка осталась сидеть, только крутила головой вслед мужу. Тревога, ужас сквозили во взгляде, но она не спускала глаз с батюшки.

Требовательно мяукал кот, просил поесть, тёрся о ноги хозяина. Сквозь открытую форточку доносилось карканье ворон, чирикали под окном воробьи.

– Что скажешь, матушка Евфросиния? Может, пока не поздно, выпроводить незваных гостей? – сказал и с любопытством ждал ответ.

Лукавил, лукавил отец Василий. Он очень хорошо знал свою супругу матушку Евфросинию, с которой прожили душа в душу огромную жизнь. Знал, что можно было и не спрашивать. Но чувствовал грех в своём молчании, потому и спросил, снял грех с души.

– Ты это кому сказал, отец родной? – батюшка не ожидал той прыти, с какой подскочила к нему матушка.

Уперев руки в бока, смотрела снизу. Глаза сухо блестели, плотно сжатые губы побелели, ноздри подрагивали от негодования.

– Ты хоть сам понял, что сказал? – маленькая, высохшая, она никогда не перечила мужу, а сейчас смешно напирала на высокого грузного отца Василия, размахивая руками. – На мне что, креста нет? Чем прогневила я тебя, батюшка родной, что ты вдруг отделил себя от меня? Иль я нехристь? Иль я дала тебе хоть единый повод за всю нашу совместную жизнь? Иль я была неверна тебе, предавала тебя? Ах ты, негодник! – она уже колотила сухонькими кулачками в могучую грудь мужа, а сама рыдала, захлёбываясь слезами. – Всю жизнь считала нас единым целым, а он к старости вот как! Ах ты, негодник!

И не выдержала, уткнулась в рясу, расплакалась.

– Как Богу будет угодно, так и будет, батюшка. Как будет угодно Богу, а только долг свой христианский мы с тобой выполним вместе, не обессудь, родимый.

Отец Василий прижал матушку, гладил её худенькую костлявую спину, а глаза вдруг повлажнели, и слёзы благодарности и умиления одна за другой потекли по щекам, застревая в бороде.

– Будет, будет тебе, матушка. Прости, за ради Христа, прости. И спасибо тебе огромное, Фросьюшка. Спасибо за всё, – не сказал, а выдохнул. Наклонившись, прижался губами к вылезшей из-под платка седой пряди волос жены.

...Политрук шёл на поправку, раны заживали, затягиваясь розовой просвечивающейся кожей. Шум и боли в голове исчезли, правая рука уже двигалась, пальцы приобретали

подвижность, чувствительность. Хорошие харчи позволяли набираться и сил физических, которые покинули, было, его в том последнем для него бою правее Бобруйска, когда их сапёрная рота наводила переправу через реку Березина.

Карусель немецких бомбардировщиков с рассвета принялись за переправу, которую еле-еле смогли за короткую летнюю ночь навести сапёры. Политрук в числе первых переправился на правый берег и уже оттуда руководил работой подчинённых. Командир и основной состав роты оставались ещё там, то и дело латали разрушенные плети переправы, не прекращали работу даже во время бомбёжек.

Отходили остатки мотострелковой дивизии. Шли из-под Минска, с боями преодолевая каждый километр пути.

Пётр Панкратович Рогов, бывший секретарь партийного бюро колхоза, что под Минском, призван в армию в первые дни войны, и был направлен политруком в сапёрную роту.

Едва-едва успел познакомиться с командиром роты старшим лейтенантом Николаем Никитичем Мурашовым, как дивизия опять оставила старые позиции. Надо было срочно делать новые линии оборонительного рубежа, готовить укрытия для штаба. А в большинстве своём солдаты роты помогали тыловым частям и тащили на себе орудия совместно с артиллеристами, перевозили часть боеприпасов и продовольствия. В роте даже не было ни у кого оружия, за исключением командного состава.

Рота всё дальше и дальше уходила от родного дома, который, судя по обстановке, уже был под немцем. А там молодая жена, двое ребятишек. Как они, что с ними?

Пётр Панкратович помогал солдатам валить сосны, пилил, стоя на коленях, то, перекинув через себя лямку, волочил брёвна по болотистой почве к реке.

Солдаты роты в большинстве своём из среднеазиатских республик, работали на износ, стоя по горло в воде, вязали брёвна, крепили скобами, вгоняли столбы-сваи в речное дно. Во время бомбёжек разбегались, прятались, и тогда политрук был вынужден бегать, собирать их по лесу, сгонять к переправе, заставляя опять и опять лезть в воду чинить очередной раз разрушенную часть настила.

После того налёта последние отходящие части перетасили на руках через переправу две пушки, и наступила тишина.

Командир роты решил, было, переправляться и самим, как к реке выскочили на мотоциклах немцы.

Политрук видел, как расстреливали безоружных солдат, как прыгали в воду и тут же тонули не умеющие плавать подчинённые, как кинулся на пулемёт вооружённый пистолетом ротный Мурашов и тут же рухнул лицом в прибрежный песок.

Потом огонь перекинулся и на этот берег, где находился Рогов с остатками, человек семь, роты.

Немцы уже ехали по сохранившейся переправе сюда, на этот берег, строчили на ходу, а ноги как будто стали ватными, непослушными. Умом понимал, что надо спастись, бежать в лесную чащу, укрыться за деревьями, а сил подняться не было. Однако в последний момент, когда мотоциклы остановились в метре от берега – дальше не было бревен, Пётр Панкратович как очнулся, бросился к спасительному лесу. Сзади зарокотал пулемёт. Казалось, все пули будут его. Но, видно, Бог миловал, и он успел проскочить открытый участок заболоченной низины, прижался к дереву.

Перевёл дыхание, огляделся вокруг. Тишина, как будто нет и не было стрельбы, не гибли люди, и он не бежал только что, не спасался от пуль, и смерть не преследовала его на этом берегу Березины. Видно было, как возвращались мотоциклисты на тот берег, как запылала облитая бензином переправа. Постоял, поискал глазами хотя бы кого-то из своих. Но нет, лес хранил молчание, лишь чёрный столб дыма рвался вверх над рекой. Решил вернуться к переправе, может, кто-то ещё и остался в живых там?

Пригнувшись, от дерева к дереву, от куста к кусту пробирался к тому месту, где несколько минут назад нужен был роте, армии, стране. А сейчас он вдруг потерял под собою ту опору, то основание, что давало ему силы и право быть нужным, необходимым кому-то, что оправдывало его пребывание на этой войне. Ни свиста снаряда, ни его взрыва он так и не услышал, лишь перед глазами вдруг встала дыбом земля.

Откуда взялись солдатик и девушка, политрук не помнит, хотя и не единожды напрягал память, пытаясь воскресить у себя события того рокового дня. Но дальше столба земли был полный провал памяти.

А потом была боль: страшная, доселе не ведомая боль, от которой нельзя было не спрятаться, не освободиться. Разрывалась голова, мозги то ли не хотели находиться на своём месте, искали выхода, то ли черепная коробка сама решила избавиться от них, но боль была адской, с кругами, с искрами в глазах. Зато правый бок, правую руку не чувствовал совсем: как будто их и не было, а Рогов Пётр Панкратович существовал отдельно от своих частей тела.

– Кто ты? – над собой он видит молодое девичье лицо, но никак не может понять, где он, что с ним? Может, уже в раю, и это ангел? Да и голоса своего не слышит, хотя, кажется, кричит так, что от крика ещё одной болью отдаёт в голове.

– Пришёл в себя? Вот и хорошо, а то я уже боялась, что так и не придёте в сознание, – вот теперь он слышит, что говорит девушка.

Но только не понимает, о ком идёт речь: кто пришёл в себя, кто был без сознания? У него просто болит голова, а так он всё помнит. Ему так кажется, что помнит.

– Азат, – девушка оборачивается куда-то в сторону. – Азат, он пришёл в себя, очнулся, – и её сухих, обветренных губ коснулась довольная улыбка.

Рядом с девичьим лицом вырастает смуглое солдатское: этого красноармейца политрук уже где-то видел. Напрягает память, и о, удача! Вспомнил! Именно с ним Пётр Панкратович пилил последнюю сосну пилой двухручкой, а потом вместе на лямках тащили брёвна к переправе.

И вот только теперь он вспомнил всё: и переправу, и фашистские самолёты, и командира роты, упавшего лицом в прибрежный песок, и столб вздыбившейся земли.

– Ты кто? Где я? – разжать губы и произнести несколько слов оказалось не таким уж простым делом.

– Я? Надя, Надежда Логинова, санинструктор батареи, – девушка говорила, а её светлые длинные волосы шевелились от дуновения ветра, и сама она казалась политруку летящим ангелом. – Наша батарея последней прошла по переправе, и я должна была уйти с ними. А старший лейтенант-сапёр на том берегу попросил посмотреть раненого солдатика. Вот я и задержалась, а тут и немцы на мотоциклах. А дальше вы знаете.

– Что я знаю? – Рогову для восстановления всей картины боя чего-то не хватало, он пытался восстановить недостающие детали с помощью девчонки. – Я тебя не видел среди наших солдат.

– Как вы могли видеть, если я была на том, а вы на этом берегу? – удивилась Надежда. – Это я вас видела, как из пулемёта стреляли, а вы бежали в лес. Ещё молилась, чтобы успели добежать. И вы молодец – добежали.

Во время беседы солдат молча сидел рядом, зажав между ног немецкий автомат.

– А дальше что? Кто ещё остался из роты?

– Никого, – девушка обернулась за помощью к солдату. – Вот он, Азат, и то на этом берегу реки. Я чудом убереглась в воронке от бомбы. Остальные – кто в реке утонул, кого расстреляли. Я думала, вообще никого не останется после мотоциклистов, а тут, слава Богу, вас увидела, как вы возвращаетесь к реке. И тут взрыв.

– Мне помнится, переправу подожгли?

– Да. Подожгли. Но бензин выгорел, и огонь потух: брёвна-то сырые. Вот я и перебралась. Я же плавать не умею, – стыдливо закончила Надя.

Где-то высоко шумели деревья, голова опять стала раскалываться, и политрук в очередной раз то ли потерял сознание, то ли впал в забытьё.

Потом они шли, нет, шли солдат и девушка, а он, политрук сапёрной роты Рогов Пётр Панкратович, лежал на плече своего подчинённого рядового Азата Исманалиева. Автомат и уже пустую медицинскую сумку несла девчонка. В неё, в сумку, они складывали выкопанную на полях картошку, чтобы в укромном месте разжечь маленький костерок, сварить в котелке, добавить туда собранные в лесу грибы, напоить этим отваром раненого, покушать самим и идти дальше.

Несколько раз пытались найти в попадавшихся на пути деревнях доктора, но безрезультатно, пока не увидели купол церкви.

– Пойдём туда, Азат, – они прятались в густом саду под огромной ветвистой грушей. – Там помогут обязательно, – девушка устало махнула в сторону церкви.

Иstekший кровью, обессиленный, политрук не принимал участия в разговоре, только беспомощно водил глазами по сторонам, обречённо ждал решения своей участи. Ему уже было безразлично, что и как с ним будет.

Затем в его сознании мелькали то поп, то доктор, то старушка в чёрном одеянии. Но всегда рядом находились девчонка и солдат. Когда бы он ни открыл глаза, приходя в себя, рядом оказывалась Надя. Она кормила его с ложечки, меняла повязки, даже уносила за ним ведро. Потом Азат стал помогать Петру Панкратовичу выходить во двор, справлять нужду, когда стало легче, появилась хоть какая-то сила в теле. А теперь ему уже хорошо, раны заживают, и он сам способен ухаживать за собой.

Три дня назад батюшка привёл еврея, поселил тут же, в ногах у Рогова. Не очень разговорчивый, но известно, что его жену расстреляли немцы, а он сам с больными ребятишками нашёл временное пристанище здесь, на заднем дворе церкви.

У Нади тут же возникла идея идти к своим всем вместе. Так надёжней, легче добыть пропитание, и в случае чего, есть кому оказать помощь.

Рядовой Исманалиев во всём соглашается с санинструктором, как соглашается и с ним, политруком Роговым. Впрочем, он соглашается и с евреем, и с батюшкой. И даже со старушкой, что приносит поесть, он тоже соглашается, молча, с застывшей навсегда подобострастной улыбкой на лице, да неизменно кланяется, прижав руки к груди.

Политрук привстал на локтях, обвёл глазами помещение.

Короткая летняя ночь заканчивалась. Сквозь щели в крыше и в дверях брезжил рассвет. Солнца ещё не было, но темень уже растворялась, готовая уйти в небытие, уступая место дневному свету.

Тихо.

Все эти люди ждут его, политрука Рогова Петра Панкратовича, чтобы вместе идти за линию фронта. Возможно, с ними пойдёт и вот этот еврей, что посапывает в ногах на досках, застеленных каким-то тряпьем. В свой последний приход доктор говорил ему о детях, сказал, что они хорошо идут на поправку, но надо ещё денёк-другой, чтобы детские организмы обрели прежнее, здоровое состояние, окрепли физически, поднабрались сил. Значит, и они идут.

Там, за линией фронта, свои, там закончатся мучения и страдания, неопределённость, там вновь обретут значимость людей, не изгоев, как вот здесь, на оккупированной территории. Но туда надо идти. И как? Кто даст гарантию, что эта толпа дойдёт живой и невредимой?

Вот, голова опять разболелась, но уже не от ран, а от мыслей. Рогов открыл глаза, снова обвёл помещение. У стены на досках спит рядовой Исманалиев, за ним, голова к голове, свернувшись калачиком, лежит девчушка санинструктор Надя Логинова.

В самом начале скитаний, когда сознание в очередной раз вернулось, политрук спросил у солдата, заметив в его руках немецкий автомат:

– Откуда у тебя оружие, солдат?

Тот не ответил, лишь опустил голову, молча сидел, а за него говорила девушка.

Оказывается, утром они напоролись на немцев. Уходили от погони обратно в лес, но с такой ношей шансов на спасение не было. Тогда Азат спрятал политрука под куст, укрыв его ветками, но немецкий солдат обнаружил. Фашист разбросал ветки, за ноги вытащил раненого и хотел, было, уже расстрелять, взялся за автомат, но в этот момент рядовой Исманалиев топором сзади зарубил немца. Вот откуда оружие у солдата.

Да-а, сложная штука жизнь. Кто бы мог подумать, что вот этот паренёк, который и говорить-то по-русски хорошо не умеет, а, поди ж ты...

Рогов ворочался, не спалось. Мысли одна тяжелее другой менялись, кружились в голове, мешали уснуть.

А вдруг и правда Москва под немцем? А что будет с семьёй, с детишками? Как и когда он сможет увидеть дочурку, сына, жену? И увидит ли с такого расстояния? А если дойдём благополучно, кто даст гарантию, что политрук Рогов доживёт до победы?

...Отец Василий поднялся сегодня чуть раньше обычного, хотя матушка Евфросиния уже была на ногах, готовила что-то в печи, гремела ухватами, сковородками, чугунами.

Умылся, оделся, причесался, собрался, было, присесть на кухоньке за стол, как увидел остановившиеся напротив церкви машины.

– Быстро детишек в сад через окно, пусть схоронятся в картофельной ботве, – успел дать распоряжение супруге, а сам поспешил навстречу незванным гостям.

Но уже во дворе идти старался степенно, неторопливо.

Из машин выскакивали немецкие солдаты, руководил ими сам комендант майор Вернер.

– Чем обязан такому раннему визиту, господин майор?

Немец не ответил, продолжая отдавать команды подчинённым. Солдаты кинулись к церкви, часть из них забежала в домик священника.

– Это как понимать? – комендант, наконец, обратил внимание на священника, указав рукой в сторону машин.

И только сейчас отец Василий заметил стоящего чуть в стороне политрука с низко опущенной головой под охраной двух автоматчиков и всё понял.

– А вот так и понимайте, майор, – батюшка приосанился, гордо, с вызовом посмотрел в глаза офицеру. – Ваша мощь и ваша сила разобьётся о нашу веру в добро и справедливость, о нашу любовь к Богу и к Родине. И уж тут вы бессильны, как бы ни старались отделить нас друг от друга.

– Всё, время дискуссий кончилось, начинается время действий, – комендант отдал команду, и тут же солдаты схватили батюшку, поволокли к церкви.

У стены уже стоял раввин Авшалом Левин, девчонку и солдатика немцы уводили к машинам.

Раввин и православный священник встали рядом, плечо к плечу у стены храма.

Вдруг из дома вышла матушка, отошла несколько шагов, повернулась, перекрестила домик и, гордо подняв голову, пошла к церкви. Немецкий солдат кинулся за ней, ухватил за плечо, стараясь задержать.

С удивительной для её возраста сноровкой вырвалась из рук врага.

– Изыди, антихрист! – даже замахнулась на него и снова продолжила свой путь.

Солдат остановился, с недоумением посмотрел в сторону начальства.

Комендант безразлично махнул рукой, и тот оставил в покое старушку.

– Зачем, матушка? – отец Василий кинулся навстречу, обнял за плечи. – Ступай в дом, Евфросиньюшка. Вот попросаемся, и уходи, матушка.

– Какой же ты, батюшка, неисправимый, – женщина встала рядом с мужем. – Ты на этом свете без меня дня прожить не мог, а кто ж за тобой ухаживать будет на том свете?

Прямо напротив пленников немцы установили на сошках пулемёт.

Политрук Рогов, санинструктор Логинова и рядовой Исманалиев стояли чуть в стороне под охраной солдат. Комендант расхаживал перед ними, постукивая зажатými в руке перчатками по голенищу сапог.

У него в голове уже зарождался план, сценарий расстрела.

Дать команду своим солдатам – банально, просто, не будет того внутреннего удовольствия от проделанной работы, когда не вносишь в неё творческое начало. А душа должна испытывать комфорт, удовлетворение, наконец, гордость за себя как за человека неординарного, как за творческую личность.

– Я даю вам шанс остаться в живых, – майор Вернер остановился, окинул взглядом стоящих перед ним пленников. – Тот, кто вот сейчас выйдет из строя, ляжет за пулемёт и расстреляет врагов великой Германии, останется жить, я отпущу его сразу же на все четыре стороны. Слово немецкого офицера! Ну?

Пленники стояли, опустив головы.

– Ты, – майор ткнул рукой в грудь рядовому Исманалиеву.

Тот вздрогнул, вышел из строя.

– Ну, солдат? Я помогу тебе переправиться через линию фронта, и ты уйдёшь к себе в свои горы. А можешь остаться и здесь, решай. Ну?

Азат повернулся к товарищам, сделал шаг вперёд и с силой ударил ногой политруку в пах.

– Шайтан! Шакал и сын шакала! – и направился к церкви.

Проходя мимо пулемёта, пнул его ногой, перевернул и плюнул сверху.

Рядовой Исманалиев встал рядом с равнином Авшаломом Левиным.

– Занятно, занятно, – коменданта вполне устраивал этот спектакль, где он отвёл себе место беспристрастного зрителя, а главные роли играли обречённые на смерть пленники. – Хорошо! Не ожидал, не ожидал. Bravo, солдат! Можно было на бис, да боюсь, политрук не выдержит, – майор от избытка чувств даже похлопал в ладоши.

– А ты что скажешь, красавица? – взяв за подбородок, поднял голову санинструктору Логиновой. – Может, вместо расстрела отдать тебя моим солдатам, а, что скажешь? И им будет хорошо, и тебе приятно. Ну? Или лучше ляжешь за пулемёт, чем под доблестных немецких солдат?

Надя дёрнула головой, освобождаясь, обошла коменданта и направилась к храму, встала рядом с матушкой Евфросинией, прижалась к ней.

– Ну, комиссар, теперь твоя очередь.

Политрук подошёл к пулемёту, какое-то мгновение смотрел по сторонам, потом лег на землю по всем правилам огневой подготовки, широко раздвинув ноги, уверенным движением взял за приклад, положил указательный палец на спусковой крючок.

Правое плечо не саднило, не болело. Приклад плотно, надёжно вжался в плечо, став продолжением стрелка.

– А-а-а-а-а-а! – крик политрука Рогова слился воедино с грохотом длинной пулемётной очереди.

Стрельба вспугнула ворон. С громкими недовольными криками птицы покидали насиженные места на липах у церкви и ещё долго потом с недоумением взирали с высоты на охваченный пламенем храм.

Набежавшая в эту рань невесть откуда тёмная туча вдруг разразилась над деревней летней грозой с громом, с молнией, с обильными, крупными каплями дождя, что лил сплошным потоком. Зигзаг молнии пронзил собою небосвод, одним концом коснувшись земли, другим –

исчезнув в бесконечности. Последующий за ним гром с треском разорвал тишину летнего утра, заставив содрогнуться всему живому.

Солдаты в спешке прятались в кузовах машин под тентами, комендант майор Вернер Карл Каспарович успел заскочить в кабину.

Взревев, машины исчезли в пелене дождя.

Только на земле осталось лежать распостёртое, бледное, без признаков жизни тело политрука сапёрной роты Рогова Петра Панкратовича. Да у стены пылающего храма мокли трупы расстрелянных отца Василия, его жены матушки Евфросинии, раввина Авшалом Левина, санинструктора Надежды Логиновой и красноармейца рядового Исманалиева Азата.

А огонь вдруг стал отступать под натиском стихии: вот он ещё раз-другой вырвался из-под купола, изошёл паром, потух. Но сам купол с крестом всё же немножко покосился, накренился в ту сторону, где лежал последний настоятель этой церкви, бывший полковой священник отец Василий, в миру – Старостин Василий сын Петра.

... Там, вверху, на колокольне под самым куполом сидел измождённый, уставший, весь в копоти юродивый Емеля с остатками телогрейки в руках, которой только что тушил пожар, что разгорелся от брошенного туда с земли факела.

Он всё видел со звонницы, но помочь своим родным, любимым людям не мог: с детства боялся выстрелов, а там стреляли. А сейчас подставлял лицо под струи дождя, смывал с себя копоть, снимал усталость и вспоминал: где у него замок и лопата? Замок нужен, чтобы закрыть церковь, а лопата? Он сам выроет могилы и лично схоронит родных матушку Евфросинию, отца Василия и их друзей. Емеля давно зачислил в друзья людей, что жили в пристройке за церковью. А как же! Если матушка Евфросиния и отец Василий так ухаживали за ними, лечили, значит, они и друзья Емели. Вот только не знает, что делать с мужчиной, что остался лежать на том месте, откуда стрелял? Которого поразила молния...

Решил, что тому человеку могилу копать не станет, а загрузит в тележку и оттащит за скотные дворы, где скотомогильник был. Вот там и место ему. Этот военный даже ни разу не заговорил с Емелей по-хорошему, когда он навещался в пристройку в гости. Всё время смотрел зло на Емелю, и глаза у него злые и бегали постоянно. Страшные глаза. А однажды даже выгнал его из пристройки, сказал: «Уходи, придурок!». Тогда все, кто там был, зашикали на этого человека, а Емеля не обиделся, только покачал головой и ушёл. И когда в другой раз приходил, то всех угощал молодым горохом, что насобирав в колхозном саду, а тому человеку не хотел давать, но потом всё-таки передумал, пожалел его, угостил.

Да-а, не место такому человеку у стены святого храма, считает Емеля. Тут должны быть только его родные отец Василий с женой, да расстрелянные с ними красноармейцы и незнакомый мужчина.

Емеля с трудом поднялся, размял старческие кости: всё-таки годы давали о себе знать.

Надо было сходить ещё в Вишенки к старшей дочери и зятю отца Василия и матушки Евфросинии. За день до расстрела батюшка, как чувствовал, подозвал к себе Емелю, попросил:

– Ты, Емелюшка, радость моя, если вдруг что со мной или с матушкой приключится, беги сразу в Вишенки. Там найдёшь дочь нашу Агафью и зятя Никиту Кондратова, ты знаешь их.

– Да, знаю.

– Они тебя в обиду не дадут.

– Они хорошие, – ответил тогда Емеля.

– Да-да, хорошие, а как же. Но ты всё им расскажешь, понял, душа моя? – отец Василий так ласково посмотрел на Емелю, как мог смотреть только он да матушка Евфросиния, погладил по голове. – Вот и хорошо. Я всегда на тебя надеялся.

Мужчина слез с колокольни, перетащил трупы расстрелянных в притвор, достал из-под стрехи замок, несколько раз открыл-закрыл его, щёлкая дужкой, убедился, что работает безотказно, навесил на дверь церкви, перекрестился и направился в сторону Вишенок.

А дождь прекратился. Не успевшая впитаться в землю вода оставалась на поверхности дороги маленькими и большими лужами, которые старался обходить торопившийся Емеля. На левой ноге развязалась оборка, онуча растрепалась, волочилась следом. Но старик не замечал этого. Надо успеть вернуться обратно до вечера. Он знает, что с наступлением ночи немцы стреляют почём зря в любого человека, только не понимает, отчего так? То ли немцы так боятся темноты, то ли они по своей природе такие страшные люди? Спросить бы, да не у кого, согласился с собственными выводами, что страшные они, немцы эти, исчадие ада, как говорил покойный отец Василий.

Так оно и есть. И вдруг его осенило! Ведь он, Емеля, остался один! Сирота! Мамка умерла давно, как только вернулся из тюрьмы батюшка; друга Макара Егоровича Щербича увели в неизвестность злые люди ещё раньше; а вот сегодня погибли матушка Евфросиния и отец Василий, его последние, самые верные и надёжные друзья, родные люди. Он остался один! Сирота, как есть сирота! Кто его накормит? Кто направит в баньку в следующую субботу? Кто постирает ему бельё, пригласит к столу на кухоньке на завтрак, обед и ужин? Кто угостит наваристым борщом, выставит для Емели на стол кружку парного молока с душистым и таким вкусным ломтем хлеба? Кто поговорит с ним по душам? Кто поищет ему в голове? Неужели он вернётся в холодную, неудобную хату и будет в ней один? И неммым укором его сиротства будет вставать в ночи силуэт такой же, как и он, осиротевшей церковки?

От осознания такого печального вывода Емеля присел у дороги, обхватив голову руками, зашёлся в неумном плаче. Он так горько давно не плакал. Даже когда умерла мамка, то его успокаивали и утешали матушка Евфросиния и отец Василий. А теперь некому рассудить, утешить, пожалеть несчастного сиротку. Один!

Ещё больше разжалобив себя, старик расплакался сильнее, раскачиваясь из стороны в сторону, пока не уснул на обочине дороги, всхлипывая даже во сне.

Там и нашёл его сонного внук матушки Евфросинии и отца Василия Пётр Кондратов, который по совету доктора Дрогунова направлялся в Слободу помочь выйти из деревни, проводить за линию фронта группу красноармейцев и еврейскую семью.

Не успел.

В пристройке за церковью, куда зашли Пётр вместе с Емелей, обнаружили испуганных девочку и мальчика.

– Вот тебе раз! Не бойтесь меня, – Кондратов со слов доктора Дрогунова знал о детишках и уже не рассчитывал застать живыми, а сейчас был рад видеть их во здравии. – Не бойтесь, я помогу вам, – Пётр подошёл к детям, обнял за плечи, прижал к себе. Потом вдруг нагнулся, поцеловал в стриженую голову сначала мальчика, потом и девочку.

– Родные мои! – и так застыл с ними, подняв вверх лицо с разом повлажневшими глазами.

Юродивый Емеля, затаив дыхание, наблюдал за Петром, и его который раз за день осенило: так вот он, новый друг! Старик помнит Петю ещё маленьким, как он прибежал из Вишенок к дедушке и бабушке, жил здесь подолгу. А сейчас он возмужал, стал настоящим мужчиной и, что самое главное, Пётр любит детей, он их спасёт, поможет! Он хороший! Человек, любящий детей, спасающий их, не может быть плохим. Он очень хороший, добрый, как и его дедушка отец Василий и бабушка матушка Евфросиния, Емеля не ошибается в людях. А плохих друзей у Емели никогда не было!

Его поразили глаза Петра, выражение лица. Такие люди надёжные, верные друзья, и на него Емеля может смело положиться, он знает это точно.

Старик ещё с мгновение стоял, наблюдая со стороны, и вдруг решительно направился к ним, обнял и Петра, и детишек, прижавшись мокрым старческим лицом к ставшим родными и близкими людям.

– Благодать! – тихо прошептал Емеля. – Благодать, слава тебе, Господи! Благодать!

С этого мгновения он, Емеля, никому не даст в обиду своего нового друга. А церковку он будет охранять, сохранит её в самом что ни на есть лучшем виде до прихода нового настоятеля храма Господня. Откуда-то появилась уверенность, что так оно и будет: скоро придёт сюда новый настоятель на смену погибшему отцу Василию. И будет он в самых крепких и лучших друзьях у Емели. Не может пустовать Божий храм, Емеля это знает. И люди в округе не могут жить без храма. Да и сам старик не может жить без друга. Он уверен, что у каждого хорошего человека должен быть такой же хороший, надёжный друг.

Старик вышел из пристройки, встал на колени во дворе, принялся усердно креститься и отбивать поклоны в сторону осиротевшей, понёсшей первые потери, успевшей опалиться огнём войны, со слегка покосившимся куполом церкви.

Глава пятая

Шёл третий день войны.

Боевым машинам, которые ещё уцелели от танковой роты, было приказано совместно с пехотой задержать продвижение противника у деревеньки, что стоит на пути к Минску.

Командир экипажа младший сержант Кольцов в очередной раз припал к панораме, выискивая цель, на которую не жаль было истратить последние восемь снарядов.

Танк стоял в засаде на краю леса, спрятавшись за крытым соломой сараем. Обзору немного мешал густой сад прямо по курсу, однако он же и скрывал от врага KB-1. Деревня давно горела. Вот уже наша пехота начала оставлять свои позиции, откатывалась назад, за деревню, в лес. И сейчас пришла очередь последней боевой машины танковой роты. Остальные стоят горелыми остовами на подступах к деревеньке, а два танка застыли без топлива, и экипажи были вынуждены подорвать их, предварительно отдав последние снаряды пока ещё боеспособному танку Кузьмы Кольцова.

Изредка появится вражеская танкетка и тут же скроется за бугром. Миномёты ведут огонь из-за горки, их не достать, а зря тратить снаряды – себе дороже. Тут бы свои артиллеристы пригодились, да где их взять.

Залегшие метрах в двухстах от деревни немцы не те цели. Вот уж точно «из пушки по воробьям». Хотя, помочь нашей пехоте стоило бы, будь чуть больше снарядов или достаточное количество патронов к танковому пулемёту. Но, увы!

На том краю поля, на расстоянии около километра от места боя, Кузьма видит, как прибывает подкрепление к немцам. Вот подошли две крытые брезентом машины, из них стали выпрыгивать пехота, выстраиваясь в колонну по три, готовилась к маршу на передовую.

– Андрей, рядовой Суздальцев! Внимание! – Кузьма плотнее прижал ларингофоны переговорного устройства. – Приготовиться!

В тот же момент танк вздрогнул, наполнился работой двигателя.

– Выскакиваешь вперёд сарая на метров десять и замираешь!

– Есть! Понял! – голос механика-водителя слегка подрагивал.

– Наводчик! Ориентир: от подбитого тракторного тягача вправо сто, цель – пехота до роты солдат противника. Два залпа и в укрытие! Пошёл!

Танк плавно выкатился из-за сарая, замер.

– Есть цель! – доложил Фёдор Кирышин.

– Выстрел! – и в тот же момент танк вздрогнул и снова застыл.

– Готово! – доложил заряжающий Агафон Куцкий.

– Есть цель!

– Выстрел!

Танк дёрнулся и снова так же плавно отошёл за сарай, механик-водитель тут же заглушил двигатель: топливо надо было беречь.

Выстрелы попали в цель. Сейчас Кузьма видел, как в панике разбежались уцелевшие солдаты, как суматошно открыли пулемётную стрельбу в никуда танкетки.

После восьмого выстрела их засекли, откуда-то подошли пушки, и снаряды противника ложились всё ближе и ближе. Вот запылал и сарай, пришла пора покидать ставший ненужным танк.

– Сколько топлива, Андрей? – Кузьма никак не хотел оставлять боевую машину, всё тянул время.

– Литров десять, с ведро, командир. Может, чуть-чуть больше.

– Павел, Назаров? – Кузьма вызвал на связь стрелка-радиста.

Высунувшись наполовину из люка, младший сержант оценивал обстановку.

Почти не видно красноармейцев: успели отойти за деревню в лес. По полю к деревне медленно, но уверенно подходила немецкая пехота в сопровождении нескольких танкеток, что поливали пулемётным огнём всё окрест.

– Сколько патронов к пулемёту, Паша?

– Один магазин, шестьдесят три патрончика, командир.

– Задействовать будешь курсовой пулемёт, понял? Стрелять только навверняка.

Из личного оружия у Кузьмы был пистолет, как и у членов экипажа, да ещё три гранаты Ф-1. Однако ещё вчера, когда вызывали Кузьму в штаб, Агафон не сидел просто так, даром времени не терял, а вместе с Федей и Пашей обрыскали окрестности разбомбленной переправы, и обзавелись винтовками с небольшим запасом патронов на каждого члена экипажа. Винтовки привязали на наружной стороне машины за скобу, и сейчас они находились сбоку, не мешая экипажу танка.

Куцый тогда чуть не попал в историю с этим оружием.

Только было нагнулся, стал снимать с убитого красноармейца подсумок с патронами, откуда ни возьмись молоденький лейтенантик с эмблемами НКВД в петлицах, приставил пистолет Агафону в затылок, потребовал идти к штабу. Спасибо, капитан-артиллерист выручил.

– Посмотри на комбинезон солдата, лейтенант! Это же танкист, а у него оружия-то нет. А чем он врага разить будет? Может, ты один справишься с пистолетом?

– Я попрошу мне не указывать! – лейтенант знал себе цену и потому стал напирать и на капитана. – Это мародёрство! А вы покрываете! Я и с вами разберусь, товарищ капитан!

– Он не мародёр, а ты дурак, лейтенант, – устало махнул рукой капитан. – Дальше собственного носа ничего не видишь. Со мной он разберётся, видите ли. Дурак ты круглый, лейтенант. Мародёрство – это когда штаны и часы с руки снимают, а когда оружие подбирает солдат для боя, то он вооружается, это совсем другое дело.

И уже Агафону:

– Иди, солдат. На таких бойцов, как ты, сейчас вся надежда. А на лейтенанта не обижайся: что с него возьмёшь, кроме анализа. Спесь да дурь прямо прут наружу, тьфу, твою мать! Ещё грозится, сопляк.

Солдат уже не слышал, как разбирались между собой офицеры, а быстрее направился к танку, где и спрятался от греха подальше. Вот таким образом и обзавёлся экипаж оружием.

– Андрейка! – голос Кузьмы подрагивал от нетерпения, от предчувствия. Он уже принял решение и сейчас отдаст команду. – Андрюша, рядовой Суздальцев! От тебя сейчас всё зависит да от Паши. А мы все так, присутствовать будем на этой страшной свадьбе-пирушке, прокачимся с ветерком с вами за компанию под звон бубенцов. Вырываемся на поле перед деревней, танкетки и пехота – вот наши цели. Андрюха-а! Вперёд! Паша! Береги патроны, короткими их, коротки-и-ми-и! Давай, родные мои! Понесла-а-ась душа в рай, твою душу мать! Дави-и-и их, три грёба душу креста телегу мать их так, волчье племя дикарей этих!

Слышно было, как барабанили пули по стальной броне танка, а он стремительно мчался по полю, подминая под себя то не успевшего укрыться солдата, то нерасторопную танкетку вместе с экипажем. Короткими, бережливыми очередями механику-водителю рядовому Андрею Суздальцеву помогал стрелок-радист Павел Назаров.

Скрежет металла, взрывы, ошеломлённые, охваченные ужасом лица убегающих немцев, удары осколков и пуль по броне – всё это смешалось. Время остановилось или, напротив, летело безоглядно. Несколько раз за бортом были слышны хлопки гранат, звон осколков по корпусу танка.

Кузьма не отрывал глаз от панорамы боя и вдруг сбоку, почти на пересекающихся курсах, впереди танка вырос столб от взрыва. Зенитка? Или противотанковая пушка? Впрочем, какая разница! Всё равно ни снарядов, ни топлива.

– Командир! Зенитка! – эти страшные для танка взрывы заметил не один Кузьма, но и стрелок-радист Назаров. – Во-о-он, на горке, почти на прямой наводке! Стоит каракатица, твою мать!

Ещё с учебной части экипаж знал, что ни одна немецкая пушка не может пробить броню танка КВ-1, а вот снаряды 88 миллиметрового зенитного орудия – могут.

– Командир! Топливо на исходе! – в подтверждение танк несколько раз чихнул, дёрнулся и в тот же миг остановился почти на краю поля, двигатель заглох.

Наступила тишина, только слышно было, как трещало зло и напористо немецкое зенитное орудие, снаряды ложились всё ближе и ближе.

– Уходим через нижний люк! – успел дать команду Кузьма.

Выскользнув из-под брюха танка, экипаж метнулся в подлесок, что на краю поля.

В это время раздался выстрел, танк сдвинуло с места силой взрыва.

– Ребята! Я сейчас! – вдруг Павел Назаров бросился назад к горящему танку.

Взобравшись на броню, в спешке принялся снимать пулемёт, на какой-то момент замешкался. Немцы к этому времени опомнились, заметили солдата, стали окружать танк.

Кузьма вместе с остальными членами экипажа успел добежать до подлеска, а теперь с ужасом наблюдал, как пытаются немцы взять в плен стрелка-радиста Павла Назарова. Помочь чем-либо Паше товарищи не могли.

Они видели, как окружили Павла немцы, как, ухватив пулемёт за ствол, пошёл солдат, размахивая им, как дубиной. Даже кого-то из немцев задел и тут же сам упал, расстрелянный в упор.

– Ы-ы-ы-ых! – Кузьма скрёб пальцами землю, скрежетал зубами.

– Зачем, Паша? Зачем? – шептал рядом Агафон Куцкий.

– Паша-а-а! Па-а-аша-а! – стонал рядовой Суздальцев.

– Господи! Господи! Спаси и помилуй! – в ужасе молился наводчик Фёдор Кирюшин.

– Уходим! – Кузьма вскочил, направился в лес.

За ним поспешили Суздальцев, Куцкий, Кирюшин.

Младший сержант Кольцов вёл подчинённых на восток, куда отходили все воинские части.

Он был уверен, что на очередном рубеже Красная армия обязательно упрётся, повернёт вспять врага. А потому спешили.

Хорошо, что не стали без разведки выходить на дорогу, на звуки боя. А мысли такие у Кузьмы уже были, тем более, почти рядом слышалась довольно интенсивная стрельба, взрывы гранат.

Вдоль леса протянулось шоссе, за ним – пшеничное поле. Именно на нём сейчас и шёл бой. Видимо, какое-то наше подразделение не успело укрыться в лесу, было обнаружено немцами. И теперь несколько танкеток и мотоциклистов, около взвода пехотинцев окружали красноармейцев.

А по самой дороге всё шли и шли немецкие войска. Они даже не останавливались, лишь изредка, от нечего делать или для острастки, стреляют в сторону леса.

Кольцов с товарищами с болью в сердце наблюдали, как безжалостно расстреливали раненых, как издевались над уцелевшими бойцами. Больно было видеть, как некоторые красноармейцы поднимали руки вверх и шли обречённо навстречу немцам с высоко поднятыми руками.

– Твою гробину мать! – скрежетал зубами Агафон.

Кузьма с силой повернул солдата лицом к себе.

– Страшно? Не справедливо?

– Кто бы мог подумать... – Куцкий зло заматерился.

– Надо искать наших. Соединиться.

Углубившись в лес, Кузьма остановился, обвёл взглядом подчинённых, что замерли перед ним. Грязные, в синих технических робах, они нелепо смотрелись на фоне лесной зелени, чистоты.

– Вчетвером мы ничего сделать не сможем. Так, только врага насмешить, а вместе с какой-нибудь воинской частью мы – сила.

– Оно так, – поддержал его Агафон. – Как-то непривычно, да и боязно. Быстрее бы пристать.

– И поесть бы, – произнёс Андрей Суздальцев. – Это ж когда мы последний раз ели?

– Кому что, а вшивому – баня, – Федя Кирюшин с опаской оглядывался вокруг. – Тут бы ноги уносить, шкуру спасти надо, а он...

Долго шли по лесу, стараясь выдерживать направление строго на восток, и только к концу дня решились подойти к дороге. Она напоминала о себе постоянным гулом машин.

Навстречу колоннам немецкой техники по обочине шоссе понуро брела длинная вереница наших пленных под охраной конвоя с собаками.

– Гос-по-ди! – ухватился за голову Агафон. – Неужели, командир? Неужели сдалась Красная армия, Господи? Что ж это будет? Как же так?

– Ну-у, допустим, и не вся Красная армия. Мы вот с тобой не сдались, и Кирюша с Андреем тоже. Так что не вся, – Кольцов стоял за деревом с побледневшим лицом, только неимоверным усилием воли сдерживал свои эмоции, чтобы не закричать, не заматериться не хуже подчинённого. Он и сам не до конца понимал, что происходит, однако должность и положение командира не позволяли впасть в панику, потому и старался держать себя в руках. Хотя голос дрожал от волнения, от избытка неведанных доселе тяжёлых чувств, что захлестнули Кузьму.

Вот так стоять и смотреть со стороны, как бесславно сдались твои товарищи по оружию, с кем ты ещё вчера был на учениях, в казарме, с кем пели такие хорошие патриотические песни, на кого надеялся как на себя... Что может быть трагичней, страшнее для солдата? Жалкие подвиги вчерашних героев? Предатели? Или несчастные люди? Не укладывалось в голове, что такое может случиться. «На чужой территории...» – по-другому и не могло быть. И вдруг?! Что это? Как это понять? Кто объяснит? И что делать вот этой горсточке бойцов, что чудом остались от танкового батальона? А ведь и им не было легко, и они гибли, но сражались, бились да последнего вздоха, но чтобы руки кверху? Кузьма пытается вспомнить хотя бы один случай из их роты сдачи в плен. Но не припомнит. Сражались – да! Гибли – да! Но сдать? И в мыслях не было.

Паша Назаров кинулся за пулемётом, чтобы со своим штатным оружием на врага... О бое думал, не о жизни собственной. И не сдался. А эти, что обречённо бредут по дороге под охраной надменных, по-хозяйски чувствующих себя на нашей земле немецких солдат? Неужели была такая безысходность? Что двигало красноармейцами перед тем, как сдать, поднять руки перед врагом? Командиры приказали? Или сами жить захотели, совесть солдатскую потеряли?

В какую сторону идти им, экипажу танка? Экипажу, горсточке бойцов, что уже успели хлебнуть солдатского лиха по самые ноздри, но не сдались, сражались и будут сражаться? У кого спросить? Кто даст совет, надоумит? Неужели и правда сдалась вся Красная армия? Но душа, сердце, разум противятся этому. Не хотят и не могут принять. А действительность вот она – нескончаемая колонна жалких, униженных пленных красноармейцев. Это-то как понимать? Неужто вот такая огромная масса некогда вооружённых людей в едином порыве подняла руки, бросила оружие? Сдалась на волю победителя? Быть того не может! Кузьма не хочет и не может смириться с этим, поверить в такое. Но пленные красноармейцы-то вот они! Прямо перед глазами, можно крикнуть, они услышат. А что говорить? Что спросить у них? И что ты хочешь услышать в ответ? Не-е-ет! Тут что-то не то.

– Командир, что это? Как это понимать? – Агафон Куцый по-прежнему с недоумением и ужасом в глазах переводил взгляд то на пленных, то на Кузьму, ждал ответа, тормозил командира за рукав. – Что делать? Как это понимать?

Кузьма повернулся к подчинённым. Их – трое, с ним вместе – четверо, четыре активных штюка.

Вон под кустом сидит с отрешённым выражением лица отличный наводчик, но немножко замкнутый в себя, «сам себе на уме» говорят о таких, Фёдор Кирюшин. Его все в экипаже называют Кирюшей. Хороший парень, только над ним постоянно нужен начальник, контроль. Сделает всё качественно, но без видимой инициативы, без рвения служебного, не по своей воле. Если знает, что спросят за работу, спросят жёстко, будет делать. Но и не преминет увильнуть, уклониться, если есть такая возможность. Им надо управлять, направлять, даже подстёгивать, подгонять, а так – надёжный товарищ. Не стесняется и не скрывает веры в Бога, что по нынешним временам уже подвиг. Один у матери, отец и остальные дети умерли в голодные тридцатые годы. Говорил как-то Кузьме, что в детстве нищенствовал, просил подаяние вместе с мамой. С Украины дошли до Белоруссии, пристроились на хуторе в Брестской области. Мама нанялась в работники, а маленький Федька был в подпасах, пас сельский скот. Наверное, поэтому и выжил. Потом опять вернулись в Херсон. Когда Пашку Назарова немцы взяли в кольцо, Кирюша не выдержал, уткнулся лицом в траву, закрыл уши руками и рыдал, прямо выл. Жалостливый.

Стиснув зубы, прижавшись к берёзе, застыл механик-водитель от бога Андрей Суздальцев. Это он управлял танком, когда закончились патроны и снаряды, направляя боевую машину на врага, давил гусеницами и технику, и живую силу противника. Командир танка хорошо слышал в наушниках во время того страшного, смертельного броска, как ругался механик-водитель. У командира мурашки по коже шли, так красиво и страшно матерился механик-водитель танка рядовой Суздальцев Андрей Миронович! Он и воевал так же: самозабвенно, искренне, отдавая всего себя делу, которому служит. Кузьма уверен, что придись Андрею воевать без оружия, он и с голыми руками кинется в драку. Весельчак, балагур, свой в доску, тракторист из Сталинградской области. За видимым балагурством, шутками скрывается очень ответственный, надёжный товарищ. Преданный, дисциплинированный и исполнительный солдат, настоящий воин, боец в самом прямом, самом высоком понимании этого слова. Не подведёт по определению. Он очень гордился, что являлся механиком-водителем такой грозной машины, как тяжёлый танк КВ-1. Свою воинскую специальность любил, относился к ней в высшей степени ответственно и добросовестно. Обращался к танку как к живому существу, разговаривал с ним. Сейчас не похож на себя. Возможно, немножко растерян, но не испуган: он всё плохое внутри себя перемелет, но виду не подаст, что ему плохо. О таких говорят: «Умеет держать удар». Всё выдержит, вынесет любую трудность, ни одно горе-беда не подкосит, не выбьет из колеи. В первый день войны, когда немцы бомбили танковый полигон, именно он, Андрей Суздальцев, не потерял самообладание, не растерялся. Надёжный? Да! Скала! Гранит! Кремль! Правда, когда покинули танк, Кузьма видел, как Андрей плакал. Это он впервые не сдержал себя. Ведь танк для экипажа был не просто сорокатрёхтонным куском металла и оружием, а живым существом, живым организмом с душой и сердцем. Даже больше – боевым товарищем, сослуживцем, однополчанином, бросавшимся в гущу боя вместе с экипажем, выручавшим своих друзей, прикрывавший их железным телом до последнего. Притом был товарищем надёжным, верным, преданным. Тут не только уронишь слезу при прощании, а в пору волком завывать. Андрей терял друга.

Новичок в экипаже Агафон Куцый. Сколько суток знаком с ним Кузьма? Трое? Четверо? Или неделю? Нет, кажется, что вечность. Спокойный, рассудительный, уверенный в себя здоровяк и немножко увалень с предгорий Алтая. Говорил, что до армии охотником был. Уходил на охотничьи промыслы в тайгу и там промышлял месяцами с отцом и старшим братом.

Прежде чем что-то сделать или сказать – подумает, взвесит, оценит. Не бросается сломя голову. Практичный, прозорливый. Умудрённый жизненным опытом. Его трудно удивить чем-либо. Смотрит вперёд намного дальше своих товарищей. Кто бы мог додуматься ещё там, на переправе, что им, танкистам, надо вооружиться как пехотинцам? А вот Агафон сообразил. Надёжный? Сможет сдаться в плен, поднять руки? Эти слова и действия, даже мысли об этом не для него, не для Агафона, они ему не подходят, не к лицу. Такие люди надёжны по определению. Ни тени сомнения! А вот сегодня растерялся чуток, глядя на пленных. Впрочем, и он, Кузьма, тоже не безгрешен. Такое зрелище кого хочешь расстроит, выбьет из привычной колеи.

И вот эти солдаты сейчас смотрят на него, младшего сержанта Кольцова, смотрят на своего командира, начальника первой инстанции, самой нижней ступеньки армейской служебной лестницы, повелителя их воли, распорядителя их жизней, вершителя их судеб, ждут ответ на все вопросы, что поставила жизнь в последние дни, ждут решительных действий. И он обязан дать ответы! Он – командир! В него, в командира, верят его подчинённые. Вот только кто ему подскажет выход из положения, кто ему ответит на все вопросы? Ведь и он тоже из плоти и крови, что и подчинённые, и ему больно и непонятно, как и им.

Действительность же такова, что отчаиваться, опускать руки, тем более, поднимать их кверху перед такой бедой – уж точно не является целью. Ясно одно: надо сражаться! Другого пути Кузьма не видит, не находит. Другое и на ум-то не идёт! Они – солдаты! Он ещё и сам толком не знает, как оно всё будет, но то, что надо сражаться, биться не на жизнь, а на смерть, – ясно, как божий день. Наконец, есть воинский устав, есть присяга, которую они принимали, клялись своему народу, своей Родине защищать их, не жалея собственных сил и жизней. А вот теперь этот час настал. Наступило время не на словах, а на деле доказать свою преданность и любовь к Родине, верность воинскому долгу, военной присяге. Их никто не отменял. И если в армии не знаешь, что делать, делай то, что велит устав, должностные обязанности, присяга. Эти документы подскажут тебе выход из любой, даже самой запутанной и смертельной ситуации.

– Вот что, товарищи солдаты, – голос Кузьмы соответствовал обстановке, внутреннему накалу, душевному состоянию, был строг, твёрд, напорист. Это был тон командира, уверенного в собственной правоте и в своих солдатах, в беспрекословном подчинении, исполнении его требований и приказов подчинёнными.

– Я не знаю, как и при каких обстоятельствах попали в плен вот эти красноармейцы, – кивнул в сторону шоссе, по которому всё ещё шла колонна пленных. – И не могу судить или упрекать их. Я знаю твёрдо одно: на мою страну, на мою Родину напал враг. И мой долг, моя святая обязанность, дело моей жизни – бороться с этим врагом, уничтожить его везде, где только возможно, рвать на куски, но изгнать с родной земли. И мы будем драться!

Кузьма слегка побледнел, крылья носа подрагивали от негодования, от нахлынувших чувств голос младшего сержанта чуть-чуть дрожал. Но в глазах, в выражении лица, в тоне, каким он говорил, было столько силы и уверенности, что подчинённые подобрались вдруг, приосанились, подтянулись, выстроившись перед командиром. Его уверенность тут же передалась и им. С застывшей на лицах решимостью внимали они слова командира, готовые идти за ним хоть в бой, хоть на смерть. Они не походили сейчас на несчастную группку людей, случайно попавших в беду и не знавших, как из неё выпутаться. Это было маленькое воинское подразделение, где каждый знал свою роль и своё место не только в строю, но и в бою, как твёрдо знали они свои обязанности ещё совсем недавно, находясь в танке.

– Сейчас идём на восток, будем догонять любую воинскую часть. Пристанем к ней, встанем на котловое довольствие, довооружимся и – в бой! Только так и никак иначе! Вам ясно?

– Так точно! – прозвучало на опушке леса приглушенно, но слаженно, уверенно, так, как и подобает в армии.

– В таком случае: нале-во! На восток шагом – марш!

Шли быстро, стараясь особо не шуметь, чутко вслушиваясь в лесную тишину. Впереди шёл Агафон

– Командир, не обижайся, но леса в Белоруссии не особо-то отличаются от наших, сибирских. А это для меня – дом родной. Тут уж я поведу вас.

– Ты бы, лесная душа, поискал что-нибудь съестное, – Андрей Суздальцев догнал Агафона, пристроился к его спорному шагу.

– Могу, – не останавливаясь, ответил Куцый. – Вон их сколько летает, ползает, бегают, скачет. Лови любое и приятного аппетита.

– Нет уж, спасибо. Особенно за тех, что скачет и ползает. Я лучше бы к дороге поближе да у тех, кто едет, отобрал, заставил поделиться.

– Верно, командир, – поддержал Суздальцева Агафон. – Дело говорит Андрюха: есть-то хочется. Давай к дороге, может, что-нибудь и добудем? У нас ведь даже котелка солдатского нет. Можно было на полях хотя бы картошки добыть да грибов в лесу насобирать, вон сколько: ешь – не хочу. Ну не жарить же на костре грибы. Здоровый мужик от них только ослабнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.